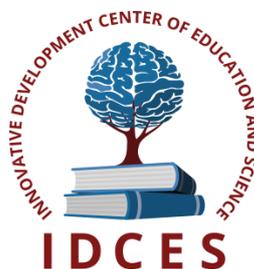

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 мая 2015г.)**

**г. Омск
2015 г.**

Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Омск, 2015. 55 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семеновна (г.Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г.Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г.Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г.Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г.Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г.Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г.Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г.Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук» (г.Омск) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление	
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
ТВОРЧЕСТВО А.Т. ГРЕЧАНИНОВА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ХОРОВОЙ ШКОЛЫ	
Мальгин Д.А.	6
ТЕМООБРАЗОВАНИЕ ОПЕРЫ П.И. ЧАЙКОВСКОГО «ПИКОВАЯ ДАМА» В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ	
Пономарева Е.В.	8
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	10
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	11
АБСТРАКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ. ЕДИНЕНИЕ И ПРОТИВОБОРСТВО В ФИЛОНОВСКОМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА ЕВГЕНИЯ КИБРИКА	
Иванова О.Г.	11
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ СОВРЕМЕННЫХ ЖИВОПИСЦЕВ	
Комцян Т.Б., Черткова В.И.	15
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	17
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	17
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	17
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	18
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	18
СООТНОШЕНИЕ ЭТНОСА И ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ	
Нахушева М.С.	18
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	20
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	20
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	20
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	20
О ПРОХОДНОЙ КОМЕДИИ «СТУДЕНТ» А.С. ГРИБОЕДОВА	
Аблогина Е.В.	20
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	23
СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	23

СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	23
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)	23
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)	24
ПОМОЩЬ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Сыракая Севтап	24
ЯЗЫКОЗНАНИЕ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)	27
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)	27
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС БЫТЬ В СОСТАВНОМ / СЛОЖНОМ СКАЗУЕМОМ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИЙ БЫТИЙНОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)	
Голайденко Л.Н.	27
ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО АСПЕКТА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ	
Шагина Ю.В.	32
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)	34
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ	
Афет Эльбрус Кызы Алекберова	34
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	36
ОБ ОБРАЗОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
Аллахвердиева М.Ф.	36
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	38
О ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ И СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ С ПОЗИЦИЙ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ПОДХОДА	
Шевченко О.Г.	38
ПРОТИБОБОРСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИРЛАНДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ)	
Чурокаева В.И.	41
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	43
ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)	
Харитонова И.В., Беляева Е.Е.	43
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	45
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	45
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ГОВОРЯЩЕГО, НАПРАВЛЕННЫЕ НА КОРРЕКТИРОВКУ НЕУСПЕШНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
Егорова М.А.	45
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «DELETE» В ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕХНИЧЕСКИХ БЛОГОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ-СИНОНИМОВ)	
Биякова С.В., Ковалева Е.К.	49

СЕКЦИЯ №23. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	51
СЕКЦИЯ №24. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	51
СЕКЦИЯ №25. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	52
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	53

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

ТВОРЧЕСТВО А.Т. ГРЕЧАНИНОВА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ХОРОВОЙ ШКОЛЫ

Малыгин Д.А.

Аспирант факультета искусств и социокультурной деятельности
Российского государственного социального университета

Александр Тихонович Гречанинов (13.10.1864, Москва – 04.01.1956, Нью Йорк), выдающийся русский композитор конца XIX – первой половины XX столетий, известен прежде всего как автор монументальных хоровых произведений и один из виднейших представителей новой русской школы церковного пения. Ценность таланта и творчества композитора уже в начале XX века были по достоинству оценены современниками.

К 1910 году Гречанинов как автор церковных композиций был очень популярен в России. С учетом его выдающегося вклада в сферу духовной музыки и произведений, написанных в эмиграции, А.Т. Гречанинов выдвигается в ряд ведущих фигур серебряного века, оказываясь звездой первой величины – наравне с С.В. Рахманиновым, А.Д. Кастальским и П.Г. Чесноковым. Духовные произведения – самая ценная часть творческого наследия Гречанинова. Его духовные сочинения, благодаря высоким художественным достоинствам, приносят композитору мировую славу. Значительное место, занимаемое его сочинениями в русской духовной классике, определяется не только качеством, но и немалым их количеством. Композитором создано более 150 самостоятельных, либо входящих в состав циклов, духовных песнопений для хора а capella или с инструментальным сопровождением. В число его духовных сочинений входят четыре Литургии (оп. 13, 1897 г.; оп. 29, 1902-1903 гг.; оп. 79, 1917-1926 гг.; оп. 177, 1943-1944 гг.), пять месс, шесть мотетов, монументальные хоровые циклы «Страстная Седмица» (оп. 58, 13 номеров, 1911 г.), «Всенощное бдение» (оп. 59, 10 номеров, 1912 г.) и множество других духовных песнопений, часть из которых не издана до настоящего времени.

Творчество Гречанинова начиналось у истоков нового направления в русской духовной музыке. Духовно-хоровое творчество композитора не просто органично вписалось в самобытное направление – оно с первых шагов непосредственно способствовало становлению этого направления. Гречанинов отстаивал свои эстетические взгляды как в музыкальном творчестве, так и в прессе, где он публиковал свои мысли по поводу так называемого церковного стиля. Один из разделов его автобиографической книги так и называется – «Моя борьба с косностью понимания церковного стиля». Деятельность композиторов нового направления по обновлению церковной музыки в значительной степени опиралась не только на позицию и установку его вдохновителя – Степана Васильевича Смоленского, но в значительной мере и на идейные принципы А.Т. Гречанинова. Смоленский возглавлял научно-художественную музыкальную школу, в которую входили десятки исследователей и композиторов, опирающихся на непревзойденные исполнительские возможности московского Синодального хора, и которая, в свою очередь, вдохновляла большое число ее последователей. Своим убеждениям и принципам, сложившимся у Гречанинова на рубеже XIX-XX веков, он оставался верен до конца своей жизни.

А.Т. Гречанинов видел причину стилевого многообразия своего творчества в том, что «родов музыки много, и каждый род требует своего языка. К духовной музыке, например, не идет язык струнного квартета или язык балетной музыки, а потому все мои духовные сочинения написаны, конечно, строгим академическим языком, всегда в простой гармонии. Один только раз, когда я писал свою “Экуменическую мессу”, я позволил себе кое-где уклониться в сторону модернизма. В светской же музыке я делал это довольно часто...» [3, С. 152-153].

Обращаясь к жанру духовных песнопений, композиторы обычно стремятся прежде всего к естественности музыкально-интонационного прочтения канонического текста, а не к яркому проявлению индивидуальных

интонационно-стилевых лексем. Связь с певческой традицией многие композиторы упрочивают введением в качестве тематического материала древних распевов. А.Т. Гречанинов же в своей духовной музыке с самого начала тяготел к обновлению этого жанра, что ему и удалось. В результате такой творческой установки, тезисы которой приводились и разъяснялись автором в предисловии к изданиям его партитур, возник оригинальный стиль, рельефно проявившийся в крупнейших концертно-хоровых сочинениях: «Хвалите Бога» (оп. 65), «Демественная Литургия» (оп. 79) и «Вселенская (Экуменическая) месса» (оп. 142).

Отличительными особенностями указанных партитур являются доминирование славящих, хвалящих, «полиелейных» песнопений и соответствующих им густых светлых, мажорных красок, полнозвучных аккордов с пышной детализированной фактурой, широким регистровым охватом. Эта особенность явилась отражением черты, неотъемлемо присущей его личности. Одна из основ его мироощущения – благодарение Богу, возношение хвалений Творцу за саму возможность жизни и творчества. Указанный тип песнопений становится доминантой духовных сочинений Гречанинова, в отличие, например, от церковных хоров П.И. Чайковского, среди которых наиболее удачные – просительско-скорбные, покаянные молитвы.

Александр Тихонович называл церковную музыку, создаваемую им и его единомышленниками на рубеже веков «новым стилем». «Новый стиль, - отмечал он в своих воспоминаниях, - в котором я и одновременно со мной А.Д. Кастальский и П.Г. Чесноков начали писать свои духовные сочинения, любителями и “ценителями” православного церковного пения долго не признавался. Привыкшие слышать в церкви хорошо если Бортнянского, которого Глинка называл Сахаром Медовичем, но гораздо хуже – Веделей, Сарти и прочих немцев и итальянцев, “ценители” совершенно испортили себе вкус. Все, что не похоже на итальянцев или немцев, им казалось, увы, и до сих пор еще кажется не в духе нашего церковного пения». Под влиянием идей Смоленского, боготворившего и изучавшего древние церковные песнопения, и впечатлением, получаемым от прекрасного пения Синодального хора, у Гречанинова сложилась собственная эстетическая позиция, отличавшаяся глубоким интересом к древнерусским распевам, осознанием необходимости «вернуться к древнеславянскому песнопению, понять, полюбить и радоваться ему, как своему близкому, родному» [3, С. 70]. Если в его «Литургии № 1» (оп. 13, 1897 г.) черты «нового стиля» еще не так заметны, то в написанных им годом позже двух духовных хорах «Волною морскою» и «Воскликните Господеву» (оп. 19, 1898 г.) эти черты проступают более явственно.

В последующих духовных сочинениях композитор внес немало оригинального, свежего в стиль песнопений, в том числе построенных на старинных попевках. Между тем, обновление гармоническое, интонационное не всегда встречало понимание и поддержку у современников. Как бы отвечая некоторым из них, Александр Тихонович писал: «Не порицать, а напротив, быть благодарными должны ревнители Православия тем новым слагателям церковных песнопений, которые свои взоры обратили на старину и творчество которых своим возвратом к седой старине внесло свежую струю в довольно-таки затхлую атмосферу нашего церковно-религиозного искусства» [3, С. 71]. Однако большинство любителей церковного пения, привыкших слышать на Богослужении элементарные аккордовые формулы, не приняли этой позиции. «Я решил тогда, - писал Гречанинов, - посредством печати начать борьбу с этим закоснелым явлением и написал статью под заглавием «О нашем церковном пении» [3, С. 70]. Его первая статья на эту тему «Несколько слов о “духе” церковных песнопений» была опубликована 23 февраля 1900 года в газете «Московские Ведомости» и наделала немало шума. Основные положения этой публикации долгое время служили идейным фундаментом духовного творчества А.Т. Гречанинова. В ней композитор рассматривает и анализирует понятие церковности в духовной музыке. Дело в том, что многие музыкальные критики той эпохи расходились во мнениях, какую именно духовную музыку можно считать церковной, то есть достойной звучать в храмах за Богослужениями. Одни считали церковной такую музыку, которая похожа на сочинения Бортнянского, Турчанинова, Веделя, Сарти и т.п., другие - только ту, которая напоминает Обиход. У третьих каким-то чудом уживались идеалы обиходного пения с музыкой вышепоименованных мастеров. Первая группа, то есть любители полуитальянской, полунемецкой музыки в Русской Православной Церкви, выступала искреннее других. Они говорили: “Нам нравится это сладкозвучие в сочинениях Бортнянского, Сарти, оно действует на нашу душу, и нам кажется – лучше этой музыки для Церкви не надо. Пишите, господа композиторы, так, чтобы было похоже на них; это будет хорошо и вполне в духе Церкви”. Вторая существовавшая группа людей - любители Обихода, так сказать, аскеты нашей церковной музыки. По их мнению, сочинять духовную музыку совсем даже и не следует, а вместо этого следует делать переложения Обихода по известным шаблонам. О последней из перечисленных групп людей - со специфическим смешанным восприятием церковной музыки - Александр Тихонович писал своей статье: «... любителей обиходного пения мы все-таки понимаем, а вот что решительно представляется для нас загадкой, так это люди, которые идеалом церковного пения считают Обиход и вместе с тем верхом церковности – сочинения Бортнянского, Сарти, Веделя и их подражателей. Что общего между произведениями этих композиторов и Обиходом, какую связь они делают между тем и другим – это никому не известно, да, вероятно, и им самим» [4].

Гречанинов задается естественными вопросами: «Что же нам нужно? Какую музыку, действительно, следует считать идеальной для нашей Православной Церкви? Где найти мерило этой церковности и этого духа церковных песнопений?» И тут же отвечает на них: «А мерило это есть, и, по моему глубокому убеждению, самое верное. Это соответствие музыкального содержания данного произведения содержанию текста. Чем более в нем этого соответствия, тем более его следует признать в духе Церкви». Святые отцы учили, что «когда слово объединяется со звуком, оно быстрее и глубже касается души человека». Благодаря синтезу слова и музыки, содержание текста получает эмоционально-духовную силу, обладающую колоссальным воздействием на слушателей. В полной мере эту мысль можно отнести и к духовным хоровым произведениям А.Т. Гречанинова: музыкальный компонент здесь не мыслим без словесного [5]. Говоря о само собой разумеющемся религиозном настроении в Священных и молитвенных текстах, композитор указывал, что и «в музыке оно обязательно, иначе этого соответствия не будет» [6], [7, С. 220], [8, С. 435].

Гречанинов считал недопустимым привнесение в духовную музыку чего-либо чувственного или сентиментального, а тем более, слащавого или пошлого, как не соответствующих возвышенному тексту церковных стихов. Композитор размышляет о том, имеет ли форма духовного сочинения какие-либо специальные ограничения, и приходит к выводу, что никаких контрапунктических или гармонических приемов, которые следовало бы считать неуместными, в духовных произведениях нет. Он полагает, что всякая форма годится, лишь бы она толково и уместно была употреблена. Относительно контрапункта Александр Тихонович считал важным, чтобы слова так искусно распределены были между голосами, чтобы слушатель отчетливо мог следить за текстом. Большое значение он придавал правильной и грамотной декламации текста, чтобы не искажался смысл духовных стихов. Как отмечал композитор, подобные погрешности могут встречаться даже при обиходном пении - например, в тексте «Ты, Господи мой, свет в мир пришел еси...» остановка и придыхание ошибочно делаются после слова «свет»: «Ты, Господи – мой свет, в мир пришел еси...» [4], [8, С. 430 – 434]. Гречанинов также полагал, что следует стремиться к большему разнообразию в гармонизации духовных сочинений, к богатству тембровых красок и поиску новых ярких музыкальных выразительных средств.

Стиль Гречанинова очень гармонично вписался в музыкальную жизнь России первых десятилетий XX века. Его произведения остаются весьма актуальными и охотно исполняемыми и в наши дни. Духовные сочинения А.Т. Гречанинова отличают определенные стилистические особенности, на которые он опирался в своем творчестве: использование старинных церковных и древнерусских распевок, значительное обновление гармонического и интонационного языков, использование переменных размеров, раскрытие и усиление содержательности духовных текстов посредством музыкально – выразительных средств.

Список литературы

1. Кашкин Н.Д. Очерк истории русской музыки. М., 1908.
2. Марусин С. А.Т. Гречанинов: Судьба и творчество // Описание частной музыкальной коллекции. URL: http://www.mymusicbase.ru/PPB/ppb22/Bio_2250.htm (дата обращения: 16.01.2011 г.).
3. Гречанинов А.Т. Моя жизнь. New York, 1951.
4. Гречанинов А.Т. Несколько слов о «духе» церковных песнопений // Московские Ведомости. 1900. 23 февраля. № 53. С. 3.
5. Олесова Н.Ю. Русская духовная музыка и ее восприятие современным слушателем // Самарская епархия. URL: <http://www.samara.orthodoxy.ru/Hristian/Olesova2.html> (дата обращения: 16.01.2011 г.).
6. Гречанинов А.Т. Письмо к издателю // Московские Ведомости. 1900. 26 февраля. № 56. С. 3.
7. Паисов Ю.И. Александр Гречанинов. Жизнь и творчество. М., 2004.
8. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III: Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников (1861-1918) / Сост. А.А. Наумов, М.П. Рахманова. М., 2002.

ТЕМООБРАЗОВАНИЕ ОПЕРЫ П.И. ЧАЙКОВСКОГО «ПИКОВАЯ ДАМА» В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Пономарева Е.В.

Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, г.Саратов

Опера «Пиковая дама» была написана композитором за три года до смерти, и до самых последних дней он считал ее самым «лучшим произведением». Отмеченная при рождении этим особым авторским «благослове-

нием», опера и сегодня, несмотря на свое 125-летие, словно оберегаемая от забвения, является одним из самых притягательных сочинений Чайковского. Смысловая неизбежность оперы «Пиковая дама» инспирирует поиски все новых исследовательских подходов, многие из которых словно «подсказывает» само произведение. Одним из них стала мифопоэтика, направление которой указало запечатленное в опере, по словам Б. Асафьева, «влечение композитора к разговору с тем миром через посредство силы музыкального самовнушения и заклинания» [1, 348].

Ю. Лотману принадлежит, ставшая впоследствии даже некоей «презумпцией», мысль о том, что каждый художественный текст строится на структурном напряжении между двумя аспектами повествования: мифологизирующим, в свете которого текст является моделью вселенной, и фабульным, который изображает частный эпизод реальности. Причем, как указывает ученый, этот конфликт прежде всего маркируется рамкой, определяемой категориями начала и конца [3, 207].

Обращаясь к завязке сюжетной коллизии «Пиковой дамы» (Пушкина – Чайковского), следует указать на особую роль светского анекдота о трех картах в повести и аналогичной по содержанию Баллады Томского в опере. Оценивая этот момент с позиции коммуниктивной функции текста, можно охарактеризовать его как сообщение, которое одновременно располагает качествами фактологичности и фантазийности. Поэтому оно несет в себе имманентную предрасположенность как к дискретной, так и к недискретной обработке (с доминированием «левополушарного» или «правополушарного» сознания).

Итак, всеми действующими лицами, кроме Германа, «анекдот» воспринимается «нормально» (общепсихологическое соответствие), т. е. с доминированием «левополушарности». Он (анекдот) лишь автоматически сегментно плюсуется к имеющейся у них информации (Se non e vero, e ben trovato – реплика Чекалинского). Актуализация «левополушарной» способности «игры со знаками» (Ю. Лотман) приводит, в свою очередь, к розыгрышам и «дразнилкам» в дуэтных и хоровых эпизодах первой и третьей картин с участием этих персонажей. Тематическим материалом для них является припев все той же баллады («Не ты ли тот третий...»).

Герман же все воспринимает совершенно иначе. Не случайно Б. Асафьев пишет: «Он видит то, что другие не видят, он слышит то, что другие не слышат. Для него существуют роковые совпадения, мимо которых проскользнет много людей; и для него, как для влюбленного природа, оживает магия зла, ибо для него оно подлинно реально в своем бытии» [1, 354]. Своеобразное выпадение персонажа, несоответствие общепсихологической «левополушарной» доминантности актуализирует «правополушарную» природу его сознания. Ведь только Герман переводит знаки сообщения в поведенческие структуры. Он ни в коей мере не играет с ними, воплощая в жизнь сюжет баллады.

Подобную модель сознания Ю. Лотман связывает с мифогенным семиозисом как неотъемлемым пластом гетерогенного текста. Во всех текстах и культурах, согласно концепции ученого, существуют два канала передачи информации: 1) «Я – Он» с константным кодом и взаимной переводимостью, 2) «Я – Я» с добавочным кодом и информационным нарастанием на выходе. Последний, именуемый также автокоммуникацией, Лотман и соотносит с мифогенным семиозисом как «праосновы текстов культуры» [2, 163].

Автокоммуникативная система представлена Ю. Лотманом в схеме:

Описание акта автокоммуникации можно свести к трем основным моментам: 1. Редукция слов естественного языка (они превращаются в знаки слов, индексы). 2. Рост синтагматики второго кода внутри сообщения, в результате чего приглушаются первичные семантические связи и текст начинает преобразовываться в сложно построенное асемантическое сообщение. 3. Асемантичность и высокая синтагматичность становятся источником организации беспорядочных, накопленных в сознании личности ассоциаций. Например, буддийский «Сад камней» становится для буддийских монахов источником интроспекции и медитации [2, 164].

Все слушатели баллады, а также и ее исполнитель Томский, пользуются информационным каналом «Я – Он» с его константным кодом и тождественностью акта информации получению, обмену. Доказательством этого являются, как уже упоминалось, дальнейшие дуэтные и хоровые эпизоды партитуры первой и третьей картин оперы «Пиковая дама», построенные на интонационно неизменном (константном) инварианте припева баллады (со слов «От третьего, кто, пылко, страстно любя» и т. д.). Герман же, с его инаковостью, «правополушарностью» восприятия, предрасположен к использованию канала автокоммуникации «Я – Я». Вследствие этого после баллады Томского начинает формироваться психологическая монодрама человека, с которым акт получения определенной информации творит такие чудовищные, необратимые изменения, что вся его дальнейшая история превращается в полный delirium (лат. – бред). В канале автокоммуникации главного героя баллада подобна некому возбудителю роста внутренней информации, с которым не справляются «шлюзы» сознания.

Еще Б. Асафьев указывал на тайное интонационное сходство темы «трех карт» и темы ариозо «Я имени ее не знаю» [1, 336]. В связи с этим «исчезновением – преображением» лейтинтонации томящегося желанием Германа в теме «трех карт» уместно спроецировать мифогенную ситуацию «смерти – рождения», «контур инициации».

Последний раз тема ариозо «Я имени ее не знаю» звучит непосредственно перед балладой (начало сцены №5) в тональности e-moll и с ритмоформулой, заканчивающей первый мотив ровными четвертями, в отличие от репрезентативных «обрубленных» восьмых. Исполняется она альтами, несколько просветляющими ее изначально темный, сочный, теплый виолончельный колорит. Появляющаяся же через несколько тактов в припеве баллады тема «трех карт» звучит в той же тональности e-moll и с тем же интонационным и ритмическим каркасом конца первого мотива с ровными четвертями, что и в теме ариозо. Немаловажно, что эта тема поется баритоном (Томский). Возникает своеобразная тесситурная аналогия виолончельному проведению темы «Я имени ее не знаю», что символизирует в ее «судьбе» своеобразную «инкарнацию». Следующее тембральное преображение будет уже теноровым (в партии Германа, сцена «Грозы»), тесситурно аналогичным альтовому проведению темы ариозо. Но в отличие от темы «Я имени ее не знаю», тема «трех карт» более лаконична (самодостаточный двутакт) и менее ритмически изощрена (унифицированная формула из четверти и двух восьмых). Благодаря такому ритму, остиганию проводимому через всю балладу, и достигается «инкарнационная» индивидуализация темы «трех карт».

Эти мифогенные по своей сути процессы темообразования правомерно соотнести с описанным ранее актом автокоммуникации. Уже в свете фабулы баллада Томского является тем добавочным кодом, который преображает томящуюся, неуверенную натуру Германа (начало первой картины) в заклинающего стихии «мага» в сцене «Грозы» («Гром! Молния! Ветер!»). На музыкальном же уровне подобные метаморфозы персонажа прогнозируются уже с момента появления темы «трех карт» в припеве баллады. Остигательная ритмика баллады и есть тот 1) добавочный синтагматический код, который 2) свертывает фразы широкого дыхания темы ариозо «Я имени ее не знаю» в лейтформулу «трех карт». Так, 3) приглушаются семантические связи этой новой темы. Теперь уже она становится источником дальнейшего темообразования в лейтсистеме оперы «Пиковая дама».

Тема «трех карт» упорядочивает процесс темообразования по амбивалентному принципу прогрессии количества производного тематизма и регрессии его интонационно-ритмического качества. Это согласуется как с ростом «энтропии» в системе темообразования оперы, так и с психологической «диссоциацией» личности Германа. Можно говорить, что с темы «трех карт» начинается погружение в мир страхов и бредовых фантазмагорий Германа, как следствие акта автокоммуникации.

Таким образом, тема «трех карт» демонстрирует свойства мифологемы, которая является и своеобразным «конспектом» мифологического сюжета и одновременно его завязкой. Уже этот пример музыкального темообразования в опере «Пиковая дама» становится показательным с точки зрения применения мифопоэтического анализа. Но если эксплицитное (привнесенное извне) присутствие мифа как проявления «памяти жанра» (мистерияльный код в основе жанра оперы) или «культурного мифа» (Петербургский миф) в этом сочинении Чайковского на данный момент вполне изучено, то мифопоэтика собственно музыкально-текстовой организации этого произведения еще не получила должного освещения и нуждается в выработке адекватных аналитических стратегий.

Список литературы

1. Асафьев Б.В. «Пиковая дама» // Асафьев Б.В. О музыке Чайковского: Избранное. – Л.: Музыка, 1972. – С. 327-362.
2. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: «Искусство – СПб», 2001. – С. 163-177.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

**СЕКЦИЯ №4.
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И
АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)**

**АБСТРАКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ. ЕДИНЕНИЕ И ПРОТИВОБОРСТВО В
ФИЛОНОВСКОМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА ЕВГЕНИЯ КИБРИКА**

Иванова О.Г., искусствовед

Ведущий дизайнер издательства «Просвещение», г.Москва

Аннотация.

Знакомство Евгения Кибрика в 1925 году с авангардистом, личностью крупного масштаба и неординарного мышления Павлом Филоновым — сыграло своеобразную роль в творческой судьбе художника.

Поиск самовыражения в искусстве привел Евгения Кибрика в коллектив мастеров аналитического искусства (МАИ), где молодой график испытал сильное влияние его основателя — Павла Николаевича Филонова. Одной из ярких работ филоновского периода стала серия иллюстраций к повести Ю.Тынянова «Подпоручик Киж».

Спустя годы восхищение «принципами сделанности», выработанными реформатором, сменилось идеологическими разногласиями между Евгением Кибриком и его учителем. Результатом разногласий стал уход Кибрика из творческого объединения (в 1930 году) и продолжением поиска своего собственного пути, но уже как художника книги, ищущего в искусстве жизненную правду.

Статья посвящена изучению и анализу работ Евгения Кибрика периода 1926-1932 гг., для которого характерно строгое следование стилю и выработанным художественным приемам Павла Филонова.

В круг исследуемых материалов вошли личные дневники, графические и живописные произведения Павла Филонова, воспоминания и графические работы Евгения Кибрика.

**ABSTRACT THINKING AND REALITY. UNITY AND STRUGGLE IN “FILONOVSKY” PERIOD OF
CREATIVITY EVGENY KIBRIK**

Olga Ivanova (Moscow)

Lead designer of the publishing house «Prosveschenie»

Art critic

Abstract. Yevgeny Kibrik's acquaintance in 1925 with avant-gardist, large-scale and extraordinary thinking personality Pavel Filonov has played a peculiar role in the creative life of the artist.

Search of self-expression in the arts has led Yevgeny Kibrik in the team of Masters of Analytical Art (MAI), where the young graphic artist has experienced a strong influence of its founder - Pavel N. Filonov. One of the striking works in the period of cooperation with Filonov was a series of illustrations to the novel of Yu. Tynyanov "Lieutenant Kije".

Afterwards the admiration of "madness principles" elaborated by the reformer has been replaced by ideological differences between Yevgeny Kibrik and his teacher. As a result Kibrik has left this creative association (in 1930) and continued search of his own way, but at that time as a book artist, who looked for living truth in the art.

The article is dedicated to the study and analysis Yevgeny Kibrik's works in 1926-1932, for whom it is typical to strictly follow the style and artistic techniques worked out by Pavel Filonov.

Among the materials studied personal diaries, graphics and paintings of Pavel Filonov, memoirs and graphics of Yevgeny Kibrik are included

Художникам-реформаторам, декламирующим абстрактное мышление, свойственно видеть мир иными понятиями и категориями, где творческий акт переосмысления действительности составляет идеологию авангарда, его «шестое чувство», выходящее за границы традиционной эстетики в изобразительном искусстве и музыке, поэзии и театре.

Поиск высшей восприимчивости, образа потерянного рая, некоего мистического созерцания мира пробуждала обостренные впечатления и потребность обретения своего пути в искусстве. Зачастую стремление это проявляется в попытке вопреки стереотипам расширить свое сознание и мир вокруг, увековечить в искусстве образ времени, вибрации воображения с ежеминутно меняющейся чередой событий и персонажей в них.

Появление в творческой судьбе Евгения Кибрика глубокого по своей духовной наполненности, неординарного и противоречивого мэтра авангарда Павла Николаевича Филонова, на многие годы изменило жизненный путь в искусстве начинающего художника. «У меня навсегда осталось чувство встречи с человеком необыкновенной цельности, чистоты, честности и совершенной оригинальности и искренности. — вспоминает Евгений Кибрик. — Нравственно он был безупречен» [1, с.38]. Это была уникальная фигура в истории искусства, одержимая идеей «заставить людей на картине «жить и претворяться во все тайны великой и бедной человеческой жизни», человек, сделавший себя «настоящим Мастером» — таким, каким он явился в своем яркой и безусловно самобытной живописи, личность избравшая свой собственный путь в авангарде, путь бесконечного совершенствования своего творческого «я» через новаторские искания радикального порядка, через упорный, напряженный труд. Феноменом филоновского искусства стали парадоксальным образом соединенные в живописи две главенствующие сферы его творческих поисков: иконопись и анатомия.

Личность такого крупного масштаба, художника-исследователя, ученого и философа — обладала большой силы магнетизмом, притягивая в ряды увлеченных идеей самопознания многие умы творческой интеллигенции, среди которых оказался и Евгений Кибрик, уже будучи студентом Петербургской Академии художеств. «На тех же подмостках студенческого клуба я впервые увидел и услышал Павла Николаевича Филонова, выступавшего с проповедью «аналитического искусства». Высокий, в серой «толстовке» с поясом, в солдатских ботинках, с бритой головой и лицом твердым, как бы вычеканенным, с пристальным взглядом. Каждое слово он четко вбивал, как гвоздь в стену. Казалось, он был сделан из того материала, из которого делаются пророки. Во всем его облике было нечто неподкупно-убежденное, за словами чувствовалась глубина мысли, глубина внутреннего мира необыкновенного человека. Он произвел на меня прямо-таки гипнотизирующее впечатление. Его речь была удивительно логичной. Он развивал мысли о «революции в мировом искусстве». О том, что изобретенное им «аналитическое искусство» начинает новую эру в мировом искусстве, открывая дорогу новому содержанию, каким является внутренний мир художника, непосредственно выражаемый непрерывно изобретаемой художником формой. На этом пути, не связанный ни темой, ни сюжетом, художник дает полную свободу своей интуиции, причем одинаково хороша любая форма и любой цвет. Единственное, что делает этот процесс явлением искусства, — это «сделанность», открытая Павлом Филоновым» [1, с.35].

Войдя в коллектив Мастеров аналитического искусства в 1925 году, Евгений Кибрик следует отныне филоновским принципам сделанности, принимая их для себя в течение нескольких последующих лет и путешествуя по загадочному и разнообразному миру Павла Николаевича. Филонов становился для Кибрика проводником своего бессознательного, и Кибрик в свою очередь уже на своих полотнах запечатлевает эти ощущения.

В «Кратком пояснении к выставленным работам» к одной из экспозиций своего объединения Павел Филонов писал — «мастера аналитического искусства в своих работах действуют содержанием, еще не вводившимся в оборот мирового искусства, например — биологическое, физиологическое, химическое и т.д. явления и процессы органического и неорганического мира, их возникновение, претворение, преобразование, связь, взаимозависимость, реакция и излучения, распадение, динамика и биодинамика, атомистическая и внутриатомная связь, звук и речь, рост и т.д при особом понятии содержания и сюжета в их реализации в картине... Мастера аналитического искусства воспринимают любое явление мира в его внутренней значимости, стремясь к максимальному владению и наивысшему изучению и постижению объекта... Интересен не только циферблат, а и механизм и ход часов... именно это должно интересовать мастера»[3].

Павла Филонова называли «очевидцем незримого». В пространстве одной картины ему удавалось показать течение времени и расширить границы восприятия мечтателей и поэтов, художников и музыкантов. И во всей сложной многозначности его работ, ученики Филонова находили для себя путь, на который становились вместе с мастером авангарда изобразительного искусства, философии и истории, этнографии и биологии. Они шли за своим наставником, чтобы найти ключ понимания самого явления Филонов, ощущая в мастере скрытую мистическую силу, привлекающую духовное составляющее молодежи.

Одним из лозунгов Филонова была выработка приемов, позволяющих искусство сделать доступным любому, даже не имеющему таланта, желающему. «Научить сделанности, — говорил Павел Николаевич, — можно каждого». Вопросы эстетики и анти-эстетики, выбора тематического диапазона для Евгения Кибрика на тот момент не стоял. Как говорил художник, Павлу Николаевичу он доверял всего себя целиком: «я ему поверил так, как бывает только в юности, поверил без оглядки, больше, чем себе» [1, с.37].

Но, несмотря на это, для творчества Евгения Кибрика конца тридцатых - начала сороковых годов XX века более всего характерно стремление через зрительный образ, через тонкое, чувственное восприятие жизни — достучаться до мировоззрения другого человека.

Может быть, поэтому выражение грубой реальности в работах Кибрика контрастирует с непредсказуемым проявлениями форм выражения, проявляющееся в причудливости и искаженности очертаний фигур людей, в их необычных лицах («Новый быт» («1-е мая»)).

Его творчество становилось все больше похоже на творчество учителя, изменившего его, или же раскрывшего грани сознания, дремлющие в душе молодого ищущего, открытого новым направлениям в искусстве художника. Создавая на полотне и бумаге иллюзию в ее сложном взаимодействии с восприятием человеческого глаза, Кибрик гармонично соединяет реальность и абстракцию воображаемых форм. Живописные и графические работы художника создаются по воображению, наитию, без предварительных эскизов.

Основной типологической чертой творчества становится погружение художника в авангардный мир, наполненный филоновскими образами, многогранными и многоликими. Мир странствий души со своими не пройденными еще дорогами, с беспрестанным поиском в грубой реальности новой философии Бытия. Мир, закручивающийся во всемирный круговорот времен, событий, идей. Картины и иллюстрации Кибрика в этот период часть его психо-духовного естества, часть сознания, часть мира, вмещающего в себя иные миры, часть стремлений направленных в будущее, ему самому неведомому («Плодородие», «Шуточная композиция», «Автопортрет», иллюстрации к «Антирелигиозным народным сказкам»).

Символизм и авангард Кибрика соединяются в одной медали, вращающейся в мире искусства и показывающей то свою лицевую сторону то оборотную, наполненную внутренним, подчас скрытым содержанием.

Делая графические рисунки в жанре гротеска и сатиры на политические и антирелигиозные темы для газет и журналов, Евгений Кибрик пропагандировал метод Филонова. В журнале «Юный пролетарий» печатали рисунки молодого Евгения Кибрика и предлагали высказываться по вопросам искусства, как представителя филоновской школы — крайнего фланга изобразительного искусства, не имеющего, по мнению редакции журнала, предшественников и производящей полную переоценку художественных ценностей.

Отправной точкой самовыражения становятся, как правило, групповые многофигурные композиции, посвященные жизни народа, главным героем которых становится человек в пространстве СССР, в окружении рабочего класса: на заводе, в поле на уборке урожая, в крестьянском быту. Это, прежде всего цикл иллюстраций «Коммуна «Новый путь» (1932 г.), прежде всего человек и его жизнь в условиях советского пролетариата. Но при, казалось бы, совершенно прозаических и обыденных приметах своего времени, Евгению Кибрику удается будничные на первый взгляд события наделять определенным символизмом, знаковостью и значимостью.

Через соединение изображения реальных героев в нереальных обстоятельствах художнику удается придти к новому направлению в своем творчестве и достигнуть в нем определенных высот. Условность и угловатость форм, линейное начало в графике, будто бы выхваченное взглядом художника из рисунков Павла Николаевича Филонова, так или иначе сложилось благодаря, а может быть и вопреки опыту, наблюдений и душевных переживаний, постепенно накопившихся за предшествующие десятилетия детства и юности Евгения Кибрика.

Работа в группе МАИ (Мастеров аналитического искусства) давала свои результаты. Художнику начали поступать заказы все чаще, в основном «на обложки, фронтисписы, заставки в разных издательствах, — пишет Евгений Кибрик, — пока, наконец, в марте 1930 года меня не пригласил директор Издательства писателей в Ленинграде Самуил Аронович Алянский и предложил мне иллюстрировать ироническую повесть Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Киж». Это была большая честь для меня» [1, с.44]. Протекцию Кибрику составил знаток искусства, меценат и коллекционер, заведующий художественной редакцией объединения государственных книжно-журнальных издательств (Огиза) — Ф.Ф. Нотгафт. Двадцать иллюстраций, сделанных Кибриком за два месяца, стали результатом ассоциаций и образов, возникших в фантазии художника. Это было первым значительным заявлением молодого художника в качестве иллюстратора.

Весь цикл к подпоручику Киж проникнут ощущением загадочности. Работы наполнены внутренним напряжением, иногда беспокойством, то вводят зрителя в мир фантастических снов Павла I, то заставляют размышлять и предаваться воспоминаниям, развивая индивидуальное творческое мышление.

Здесь читается в каждом штрихе, в каждой точке и миллиметре листа филоновская сделанность, скрупулезность проработки. Иллюстрации превращены в некий знак. В каждом рисунке композиционная наполненность пространства листа словно провозглашает девиз «от частного к общему». Наполненность в одном рисунке множеством разрозненных фигур без акцента на главную, композиционное заполнение преимущественно всего пространства (за исключением портретов Павла Первого, Аракчеева, статс-секретаря Мелецкого) с характерной декоративной плоскостностью листа типично для всей серии иллюстраций к повести Тынянова. В чередовании отчеканенного, формирующего объемы черного и выступающего на зрителя белого, возникают ассоциации со звуками военного марша, то звучащими громко и печально торжественно как в «Похоронах Киж», то чуть замедляя свой ритм в растерянности и блужданиях поручика Синюхаева по

Петербургу. Он, по ошибке писаря занесенный в умершие, «стал рассматривать разводную площадь, и она оказалась незнакомой ему. По крайней мере он никогда не замечал раньше карнизов на окнах красного казенного здания и мутных стекол. Круглые бульжники мостовой были не похожи один на другой, как разные братья. В большом порядке, в сером аккурате, лежал солдатский С.-Петербург с пустынями, реками и мутными глазами мостовой, вовсе ему незнакомый город. Тогда он понял, что умер» [2]. Трагедия человека, по нелепому недоразумению исчезающему из жизни, выражена Кибриком в маленькой фигуре Синюхаева, отбрасывающей гигантскую тень, тень абсурда.

Но не все в этой серии основано на чистой выдумке художника. В портретах сына Петра III и Екатерины II — императора Павла I, царствовавшего с 1796 по 1801 год, видна историческая достоверность, которую сумел донести до зрителя Евгений Кибрик. Помимо исторически верных портретных сходств перед художником стояла задача отразить в графических листах образ Павла, вступившего на престол, образ самодержца, чья деятельность отличалась импульсивностью и непоследовательностью, чьи стремления были направлены на укрепление устоев абсолютистской власти.

График изображал Павла как в великом гневе, приобретающего «некоторое наружное сходство с одним из львов» [2] скульптора Бренны, украшающих дворец, так и в образе ухмыляющегося императора. В его портретах читается отчужденный символ-образ, превращенный в условную форму. Однако форму, оживающую в застывшей мимике Государя.

Филонову нравились рисунки Кибрика к «Подпоручику Кижее» и «он не скрывал одобрения, однако, увлекшись, — вспоминает Евгений Адольфович, — он стал мне показывать устройство лошадиной ноги и тут же нарисовал карандашной линией копыто, бабку, как они прикрепляются к костяку. Не пойму сейчас, почему я не решился его спросить: значит, по-вашему, не все равно, какую, даже искаленную форму я рисую, значит, нужно знать анатомию, почему же вы этого не говорите нам, а утверждаете, что «любую форму можно делать любой формой, любой цвет — любым цветом» и важна только «сделанность?»» [1, с.44-45].

Сложность и многогранность личности Филонова коснулась и его преподавательской деятельности, которая, безусловно, заслуживает особого внимания. В ней он проявил себя человеком и художником, чувствующим в себе потребность «произвести на свет» под своим руководством целое поколение художников новой формации.

В филоновском обществе явственно ощущалась доминанта его основателя, несмотря на провозглашенные самим Павлом Николаевичем педагогические принципы, которые по его идее должны были привести к раскрепощению творческой личности ученика. «Не по велению призвания мы были «изобретателями и исследователями», — пишет Евгений Кибрик, — только буквально применяли филоновские технические методы работы, и автоматически возникал результат, близкий филоновскому искусству, тем более что мы, конечно, подражали бесчисленным филоновским находкам — он был изобретателем безгранично. Создав теорию «аналитического искусства», он фанатически попал под ее власть, и вся огромная сила его воли была в первую очередь направлена на него самого. Он задушил в себе вдохновенного художника (решив, что художник — это «низшая формация») и все силы отдал тому, что считал своим открытием — работе «мастера-исследователя и изобретателя в области искусства». Мы же хотели быть не «исследователями», не «изобретателями», а художниками-практиками и только искали пути к этому. Я, во всяком случае» [1, с.40].

Именно поэтому многие из молодых художников, уходили от Филонова, боясь потерять индивидуальность.

Для Филонова была не важна наполненность произведения идеей, содержанием. Главенствовала лишь сделанность форм, подчас несущих в себе настолько малое значение, что терялось само предназначение истинного искусства нести в себе свет и разумное зерно, пробуждающее в душах и сердцах людей чувственные переживания и размышления. Для Евгения Кибрика нравственные принципы и проникновение их в искусство были некой основой, на которой базировалось творчество художника.

В мае 1930 года в объединении произошел идеологический раскол. Причиной и без того накопившихся к тому времени разногласий стало поведение новой участницы группы Ю.Г. Капитановой.

Из воспоминаний Е.А. Кибрика: «Она показывает большой лист с карандашным рисунком. Здесь изображено, как на могильных камнях Марсова поля (священных для нас камнях) разыгрываются непристойные сцены. Шум. Мы с Борисом Гурвичем не только возражаем против принятия этой работы, но и требуем исключения Капитановой из нашей группы как антисоветского элемента. Филонов возражает и говорит, что, раз Капитанова признает принципы «аналитического искусства», она такой же революционер в искусстве, как он сам и как каждый из нас. «Стало быть» (его любимое слово), мы не можем ее исключить. Завязывается на два дня длинный спор.

В пылу спора я заявляю о том, о чем уже давно думал, что то, что мы делаем, — формализм, непонятный и чуждый зрителю. Мы не участвуем своим искусством в общенародном деле, а называем себя почему-то революционерами. Не помню, совсем не помню, что Филонов мне ответил, — я очень волновался, — но дословно помню, что я ему на это сказал: «Если так, Павел Николаевич, то нам с вами не по пути...» — повернулся и вышел из комнаты. Кое-кто вышел со мной, кое-кто остался. Так кончился «Коллектив мастеров аналитического искусства» в том виде, в каком я его знал» [1, с.45].

Но, несмотря на разногласия, возникшие на пути двух художников, Павел Филонов незримо присутствовал и оставался рядом с Кибриком, установки его творческого метода еще активно проявлялись в работах следующих лет. Личность Филонова обладала колоссальной творческой энергией, силой, проникающей в подсознание человека, и также как и в картинах на молекулярном уровне соединялась незримыми потоками с мыслями учеников.

Безусловно, творчество Евгения Кибрика в этот период мы можем воспринимать через призму филоновского внутреннего «Я», но с кибриковским толкованием многогранности человеческой души.

Талант художника, который сумел достичь высот учителя, уже отчетливо проявился, но, к сожалению, еще не был наполнен неповторимостью образов и индивидуальностью восприятия, которые пришли в творчество художника позже, начиная с серии литографий к повести Романа Роллана «Кола Брюньон». Но и период творческих исканий в коллективе МАИ интересен как эксперимент и возможность окунуться в среду неизведанных еще самим Кибриком дорог в авангарде. На определенном этапе встреча с крупным и уникальным художником-авангардистом сыграла свою роль. Как иллюстратора, Кибрика узнали именно в филоновский период по серии графических листов к повести Юрия Тынянова «Подпоручик Киж».

В течение многих лет после раскола МАИ, Кибрик стремился искоренить в себе заложенные в его мироощущение принципы «деланности». Понадобилась огромная сила воли, чтобы уйти от мировоззрения учителя и обрести собственный взгляд в искусстве и найти творческий путь.

Отвергнув от себя авангард и отказавшись от пути учителя, личность Евгения Кибрика обнаруживает себя со всей силой таланта в реализме, гуманизме и беззаветной и пламенной любви к лучшим человеческим качествам.

Список литературы

1. Кибрик Е. А. Работа и мысли художника. – М.: Искусство, 1984.
2. Тынянов Ю. Н. Повесть "Подпоручик Киж". – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930.
3. Филонов П. Н. "Краткое пояснение к выставленным работам".

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ СОВРЕМЕННЫХ ЖИВОПИСЦЕВ

¹Комцяи Т.Б., ²Черткова В.И.

¹Студентка Смоленского государственного университет, г.Смоленск

²Научный руководитель, доцент Смоленского государственного университета, г.Смоленск

Ключевые слова: Академическая живопись, Творческие задачи, Академические задачи, Творческий стиль, Современная живопись

Перед каждым молодым художником, заканчивающим обучение в высшем художественном учебном заведении, стоит проблема создания собственного стиля, выбора своего направления в искусстве, в зависимости от своих взглядов на творчество, своего мировоззрения.

Получив основные академические знания, без которых невозможно художественное образование, человек ставит перед собой задачи найти свой путь в искусстве. В своей работе я хочу проанализировать особенности индивидуальных стилей двух художников, получивших в свое время высшее художественное образование.

Проблема творчества, а в частности, живописи, всегда была актуальна. Ее вполне можно назвать «проблемой века». Исследование живописи - далеко не новшество. Любое творчество всегда интересовало ученых, философов, мыслителей всех времен.

Сегодня перед любым молодым художником стоит трудная задача – выбор своего стиля, своего пути в искусстве, «своего» языка. Известный художник и выдающийся педагог Карл Павлович Брюллов говорил: «...подражание кому бы то ни было из мастеров нелепо; да и что за художник тот, который не высказывает своих собственных мыслей и своих собственных чувств? Чем самостоятельнее художник, тем он выше». «...В

произведении всегда требуется творческая переработка увиденного художником. Живописец не может пассивно «переписывать» натуру, он должен решить, что следует ввести в создаваемый образ и от чего отказаться».

В данной работе анализируется творчество двух замечательных художников, получивших прекрасное академическое образование и нашедших свой собственный неповторимый творческий стиль.

К известным современным художникам относится Николай Блохин, закончивший в 1995 году Академию художеств им. Репина. Николай Блохин наиболее известен как портретист, однако он пишет и пейзажи, жанровые картины, натюрморты. Свои портреты Блохин пишет, соблюдая законы академической живописи, выявляя личные черты человека через его индивидуальные особенности внешности. Однако нельзя сказать, что его работы лишены творческого содержания. Его работы – это вовсе не фотографии, переписанные с натуры. В портретах Блохина можно разглядеть долю импрессионизма, проявляющуюся в стремлении передать настроение модели или случайность состояния. Благодаря этому, портреты Блохина сохраняют эффект естественности и свежесть первого впечатления. У Николая Блохина есть свой особый стиль, отличающий его от других художников. Его портреты не делятся на «фон» и «натуру». Каждая работа – это целостная композиция. В его работах присутствует и традиции академического образования и спонтанность, напоминающая стиль модерна. Сложно составленные живописные аккорды, их свежесть и спонтанность делают портреты художника – от самых ранних («Женский портрет» (1991), «Портрет» (1997)) до зрелых работ 2002-2008 года («Девушка с вязанием», портреты космонавта С. Крикалева, Р. Кеккалайнена), типично «блехинских» композиционных парных женских портретов («Мать и дочь» (2008)), – работами именно Блохина, а не репликами исторических стилей.

Николай Блохин пишет и пейзажи, чаще всего это виды родного Петербурга. Петербург Блохина – это город, который несет в себе тайну, каждый раз дающий импульс для живого, эмоционального переживания его красоты. Художник любит эту дождливую погоду, туман, атмосферу постоянной промозглости и сырости, типичную для города на Неве. Под его кистью серые, тоскливые краски обретают роскошь переливов старинного серебра («Новый мост. Санкт-Петербург», 2006), а размытость силуэтов и отсутствие деталей раскрывают грандиозность пространства идеально спланированного города, выстроенного с размахом и величием («Летний сад», 2006).

Еще одним молодым и очень талантливым современным художником является Зорикто Доржиев. Зорикто родился в семье художников и получил прекрасное академическое образование. Однако художник выбрал свой собственный стиль. В его картинах нет реалистичности. Сам художник утверждает, что живопись должна быть живописной. И его картины как раз оправдывают это утверждение. Хотя у Доржиева есть работы, которые прочно связаны с академической традицией, все же основным художественным приемом художника является гротеск. Через причудливое сочетание вымышленного и реального, комичного и грустного художник создает особый мир жизни бурят на земле. И убеждаешься, что нет ничего более демократичного и понятного как через добрый юмор показать целостную картину мира. Интуитивно чувствуя всеобщую усталость от концептуализма, он возвращает зрителей к теплой, подчас домашней камерности, рядом с которой так комфортно жить. Человек, получивший прекрасное академическое образование, выбирает свой путь, со своей, ни на кого не похожей, линией рисунка, фактурой, необычным цветовым решением, метафоричностью образов, за которыми проступают особенности буддийского восприятия жизни. Кочевники, воины, богатыри, восточные женщины — любимые сюжеты Доржиева. Взгляд его на древние бурятские, монгольские предания и уклад жизни, слегка ироничен. Да и свои сюжеты он не черпает из конкретных былин, а скорее придумывает их сам, просто соотнося их — с уже существующими. И азиатский миф рассказывается европейским художественным языком. На картине «Войско» художник изображает довольно толстых воинов, совсем не высоких, неказистых, с ногами носками внутрь. Однако все они исполнены достоинства, потому что в каждом мужчине генетически запрограммирован воин. Сейчас этот воин — спящий. Но в нужный момент он проснется, и тогда сила и доблесть, отвага и честь сделают его по-настоящему красивым. Пока же он очень органичен в родной среде, и ничто не омрачает его мирного существования.

У Зорикто Доржиева поразительной точности рука и глаз. Он видит человеческую комедию с неизменным состраданием и изображает монгольское воплощение Моны Лизы в картине «Джоконда-Хатун» с необычным реализмом, силой и красотой. Художник снова воскрешает в нашей памяти этот неповторимый женский образ, и он вместе с окружающим его пейзажем полностью оживает.

В основном художник пишет маслом, но использует также смешанную технику, добавляя акриловые краски и золотую фольгу. Выставки Зорикто Доржиева уже традиционно не ограничиваются только показом полотен. На них непременно присутствуют дефиле с демонстрацией авторских костюмов, национальная музыка и даже кино.

Проанализировав творчество двух интересных, непохожих друг на друга художников, можно сделать выводы об особенностях их индивидуальных стилей. Николай Блохин идет по пути классического искусства,

получив в молодости высшее художественное образование, при этом использует методы импрессионистов, благодаря которым, его работы кажутся свежими и естественными. И за годы работ Николай Блохин сформировал свой собственный, ни на кого непохожий стиль. Это же касается и второго художника – Зорикто Доржиева, в работах которого с одной стороны можно увидеть влияние классического академического стиля, а с другой стороны на него повлиял эпос и декоративно-прикладное искусство кочевых народов (литье, вышивка).

В любой художественной академии студенты, постигая навыки академического рисунка, учатся грамотному, точному рисунку, изучают основы композиции. И для каждого художника академическое образование должно быть основой, базисом для всего его дальнейшего творчества. Но не стоит забывать о творческих задачах, которые должен ставить перед собой любой художник постигающий академическое образование. По мысли педагога Антона Ашбе, для того, чтобы приобрести подлинную творческую свободу, необходимо искать способы изображения натуры в самой натуре. Обращаясь всегда и за всеми справками и знаниями непосредственно к природе, художник поймет, что правил рисунка, как незыблемого свода приема работы не может быть, так как натура каждый раз по-новому заставляет решать изобразительные задачи, но зато есть общий метод работы, обуславливаемый законами природы и законами ее восприятия.

Какими средствами бы ни пытался выразить себя художник, к какому стилю бы ни относил он свое творчество, он должен знать основу своего ремесла – гармония цветов, правила композиции, правила построения рисунка. Без этого достичь успехов в искусстве практически невозможно.

Несмотря на то, что современная ситуация в искусстве дает огромные возможности для самовыражения (это может быть традиционная живопись или любое из современных течений), все же, любое творчество должно быть наполнено энергией художника, его мыслями, чувствами и переживаниями, его верой в собственную идею, которую он пытается донести до людей. Как говорил Аполлинарий Михайлович Васнецов: «Бесспорно, значительный художник никогда не повторяет и не идет по проторенной дорожке, но ищет новых путей, создает новые образы и порождает целые школы последователей».

Список литературы

1. Андреева С.Ю. Постмодернизм: Искусство 2 половины XX – начала XXI века. СПб.: Азбука-классика, 2007.
2. Грушевицкая Т.Г. Словарь по мировой художественной культуре. М.: Академия, 2001.
3. Краснова О.Б. Энциклопедия искусства XX века. М: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
4. Н.Н. Ростовцев и др. Рисунок. Живопись. Композиция: Хрестоматия: Учеб. Пособие для студентов худож.-граф. фак. пединститутов. М.: Просвещение, 1989.
5. Н.Н. Ростовцев. Очерки по истории методов преподавания рисунка. М.: Изобразительное искусство, 1983.

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

СООТНОШЕНИЕ ЭТНОСА И ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Нахушева М.С.

Майкопский государственный технологический университет, г.Майкоп

Понятие «этнос» обозначает социальное образование, по своей многогранности сопоставимое с такими смысловыми универсумами, как человек и общество. Этнос является объектом изучения многих научных дисциплин. В последние годы в силу ряда причин - как онтологических (распад СССР, обострение межэтнических проблем), так и гносеологических (изменение парадигмы в отечественном общественном сознании, возникновение, переосмысление и элиминация многих терминов) - актуализировалась необходимость дальнейшего всестороннего исследования понятия «этнос».

Социально-философская концепция этноса в настоящее время остается малоразработанной, хотя в этнологии отдельные проблемы (объективные и субъективные стороны этноса, внутренние и внешние источники движения и изменения в этносах, форма и содержание в этносах, качественные характеристики и количественные параметры в этносах и их компонентах) решаются в обобщенно-философской форме. Это придает изучению этносов глубину и содержательность, ведет не только к познанию их как явлений действительности, но и к открытию сущностных отношений внутри этносов и между ними.

Субстанциальными системами являются человеческое общество в целом и этнос как его часть. Этнос существует на протяжении многих поколений, самовоспроизводясь и самостоятельно сохраняя свои отличительные особенности. Любой этнос, по крайней мере, в период своего расцвета обладает уникальным универсальным способом деятельности, иными словами, изначально способен только ему присущим образом выполнять все без исключения функции, необходимые для его жизнеобеспечения. Поэтому, с нашей точки зрения, этнос является субстанциальной социальной системой.

Социально-философский анализ сущностных свойств этноса как социальной системы требует рассмотрения соотношения этноса и общества. Выявление данного соотношения осложняется известной многозначностью термина «общество». Оставляя за рамками нашего анализа обыденное употребление данного понятия, сопоставим понятие «этнос» некоторым научным трактовкам общества¹. Следует иметь в виду, что на различных уровнях обобщения и само понятие «этнос» приобретает разные смысловые оттенки, а при его сопоставлении с понятием «общество» акцентируются разные проблемы.

1. Общество как конкретный самодостаточный социальный организм, имеющий вполне определенные координаты в пространственно - временном континууме человеческой истории. Взаимодействие этноса и общества в указанном смысле аналогично соотношению этноса и нации.

2. Общество как исторически-конкретный тип социальной организации («феодалное общество», «капиталистическое общество» и т.д.). Сопоставление этноса с обществом в данном смысле поднимает проблемы этногенеза, сохранения трансформации сущностных свойств этноса в его историческом развитии, приводит к широкомасштабному анализу социокультурной динамики этноса.

3. Общество вообще, как логическая модель, как идеальный тип, интегрирующий существенные свойства и признаки любого самодостаточного социального коллектива, существовавшего, существующего или способного существовать в истории независимо от ее стадийных и региональных характеристик. Общество представляет собой системную совокупность социальных групп и индивидов, самодостаточный субъект и одновременно объект интегративного процесса общественной жизни, ее основных сфер. Субстанциальность общества как системы предполагает наличие особых механизмов самосохранения и саморазвития системной целостности, при котором все многообразие частей, свойств и состояний системы имеет единый источник, сводится к единому основанию.

¹ Момджян К.Х. Введение в социальную философию. - М., 1997. - 448 с. С. 82-83.

Этнос до некоторой степени характеризуется общностью потребностей, отражающего эти потребности коллективного сознания и реализующей их активности. Внутри этноса существуют связи, реализуемые во всем спектре совместной творческой деятельности, а также в разных формах общения. Это позволяет считать этнос интегративным, целостным субъектом творческой социальной деятельности. В роли субъектов этнической деятельности могут выступать как отдельные представители этноса (этнофоры), так и охватывающие их группы (от семьи до этноса в целом). Деятельность этноса складывается и как результат, и как процесс взаимодействия составляющих его субъектов. В этом взаимодействии формируются особые интегративные качества коллективной деятельности, дающие основания рассматривать последнюю не как простую арифметическую сумму индивидуальных актов человеческой активности, а как самодостаточную целостную систему творческого воспроизведения социальности, условий жизнедеятельности, общения и предвидения.

Теоретически деятельность этноса представляет собой синтез всех возможных видов активности (материальной, социальной, политической (управленческой), духовной), исторически определенную форму их реализации. Этнос выступает одновременно и субъектом и объектом такой деятельности. Однако реально в современную эпоху деятельность этносов в результате ускорения развития, усложнения структуры и полиэтничности современных обществ постепенно теряет свою универсальность, перемещается преимущественно в духовную сферу, нередко ограничивается рамками семьи. Индивиды вынуждены осваивать самые разнообразные способы поведения, в том числе лишённые этнической специфики, выполнять социальные роли, выходящие за этнические рамки. В связи с этим доля этнического в обществе постепенно снижается. Универсальность жизненного мира этноса сохраняется только в потенциале и может актуализироваться лишь в кризисных ситуациях, либо вообще безвозвратно утрачивается. Основным субъектом крупномасштабной социальной деятельности становится уже не этнос, а нация. Тем самым в социокультурной деятельности этноса как бы уменьшается доля социальности, этнос все больше трансформируется из социокультурной общности в культурную общность.

Все это дает основания ряду исследователей проводить кардинальные различия между обществом и этносом. Не отрицая определенной обоснованности такого подхода, следует принять во внимание, что в истории развития большинства современных этносов можно обнаружить фазу компактного и изолированного проживания, когда этнос самостоятельно выполнял все социальные функции. Такая фаза представляется необходимым условием этногенеза. Можно предположить также, что в потенциале каждый «здоровый» этнос (исключая случаи радикального сокращения численности населения или утраты культуры) в гипотетической ситуации изолированного проживания способен восстановить весь спектр социальных действий, стать полноценным обществом. Из этого следует, что соотношение между этносом и обществом исторически изменчиво и наблюдаемые в настоящее время различия между обществом и этносом не носят сущностного характера, а вызваны историческими обстоятельствами.

4. Общество в наиболее широком понимании, как альтернатива природе, как модель социальности вообще, т.е. системная совокупность свойств и признаков, присущих явлениям и коллективной, и индивидуальной жизни людей, благодаря которым они включаются в особый мир, выделенный из природы и от природы отличный. В этом смысле этнос является полноценным носителем социальности, одной из форм ее проявления, органичной частью социума, полностью сохраняющей его специфику. Следует подчеркнуть, что на столь высоком уровне абстракции невозможно противопоставление этноса и социума, иначе этнос пришлось бы неправомерно отнести к миру природы как альтернативы социуму.

Продолжая рассмотрение данной проблемы, необходимо вспомнить, что общество представляет собой сложнейшую иерархию человеческих объединений, выделяемых по многочисленным основаниям. Одни из них возникают по воле людей, другие - в результате развития исторического процесса. К важнейшим типам общественных образований можно отнести биологический, гражданский и культурный. Этим типам общественных образований соответствуют: расы, определяемые по совокупности наблюдаемых физических и биологических признаков (форма черепа, структура волос, состав и группа крови и т.п.); классы, выделяемые по отношению к власти, собственности и привилегиям, по месту в исторически определенном разделении труда и этносы, складывающиеся на почве единой культуры.

Одним из характерных свойств этносов является устойчивость. Этносы охватывают многие поколения людей, т.е. являются потомственными коллективами с переменным составом. Этносы объединяются особыми узами, сравнимыми с родственными и основанными на предположении об общем происхождении, которые связывают сеть традиций людей, стоящих на различных уровнях социальной иерархии.

Различия между этносами кроются преимущественно в области культуры, трактуемой в самом широком смысле слова. Именно в сфере культуры сосредоточены все основные отличительные особенности народов-этносов. Эти особенности проявляются как в материальной, так и в духовной культуре. Каждый этнос выступает

творцом самобытной культуры, уникального универсального способа жизнедеятельности, который и служит его отличительным признаком.

В действительности этнос и общество — хотя и связанные, но совершенно разные явления. Это особенно наглядно видно тогда, когда люди, принадлежащие к одной этнической общности, входят в состав нескольких разных геосоциальных организмов. В отношении общества и этноса первичным является общество. Этносы не имеют своей самостоятельной истории. Их движение, изменение, развитие определяется историей обществ, в состав которых входят. Этносы суть порождения общества. Но это, отнюдь, не исключает, что в определенных условиях они могут приобрести относительную самостоятельность, причем иногда даже значительную.

Список литературы

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие / Отв. ред. Бромлей Ю. В. – М.: Наука. 1989. – 243 с.
2. Барулин В.С. Социальная философия. Общество как мир культуры. –М., 1993.
3. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / под ред. А.О. Бороноева. – СПб, 1994.
4. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. - М.: Высш. шк., КД «Университет», 1997. - 448 с.
5. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). –М.: Современные тетради.,2003. -777 с.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

О ПРОХОДНОЙ КОМЕДИИ «СТУДЕНТ» А.С. ГРИБОЕДОВА

Аблогина Е.В.

Томский государственный университет, г.Томск

Комедия «Студент» была написана Грибоедовым в соавторстве с П.А. Катениным в литературно-полемиических целях, при жизни авторов в театре не ставилась, была опубликована лишь в 1860 г. Н.К. Пиксанов полагал, что Грибоедову принадлежит лишь треть текста, однако современные исследователи убеждены, что основная часть комедии была написана именно Грибоедовым [4]. Убедительным аргументом в пользу преимущественно грибоедовского авторства служат явные языковые соответствия, аналогии между характерами Звездова и Фамусова, Полюбина и Молчалина, Беневольского и Чацкого, Саблина и Скалозуба, тогда как в творчестве Катенина преемственности между «Студентом» и последующими произведениями не наблюдается. Преимущественное авторство Грибоедова подтверждается и тем, что работа над комедией заняла, по всей вероятности, время с начала июля до конца 1817 г., тогда как доподлинно известно, что уже 5 августа Катенин вместе со своим полком покинул Петербург.

В комедии осмеивается сентиментально-элегическое направление русской поэзии 1810-х гг., иронически высмеиваются распространенные штампы карамзинистов. «Слезливости», «напыщенности» сентиментально-элегического стиля, «кудрявости» языка, вялому многословию и «тощим мечтаниям любви идеальной»

Грибоедов противопоставляет «натуру»: «Бог с ними, с мечтаниями; ныне, в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос» [3]. «Студент» изобилует пародиями на стихи К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, В.Л. Пушкина, иронически обыгранными прямыми цитатами из этих и других поэтов. Налицо также направленность против М.Н. Загоскина – литературного противника Грибоедова, давшего нелестный отзыв на «Молодых супругов». Имя главного действующего лица – Беневольский (от лат. *bene-volēns* – «любезный, благожелательный») – воспроизводит псевдоним Загоскина «Ювенал Беневольский» в журнале «Северный наблюдатель». Ряд событий жизни персонажа комедии также сближают его с прототипом.

«Студент» представляет собой прозаическую комедию в трех действиях. В списке действующих лиц только русские имена: Евлампий Аристархович Беневольский – студент из Казани; Федька – его слуга; Звёздов и его жена; Саблин – брат Звёздовой, гусарский ротмистр; Варинька – воспитанница Звёздовых; Полюбин, влюбленный в Вареньку; Прохоров; слуга Иван и пр. Грибоедов активно использует «говорящие» фамилии (Полюбин, Беневольский, Звёздов, Саблин). Место действия комедии – «В Петербурге, в доме Звёздова».

Главный персонаж комедии, неловкий провинциал и плохой поэт Беневольский, в доме богатого петербургского барина Звёздова надеется устроить свою карьеру и семейную жизнь. Звёздов был когда-то знаком с его отцом и по неосторожности обещал в будущем устроить судьбу его сына. Но надежды Беневольского не оправдываются: после ряда смешных и нелепых ситуаций ему отказывают и в протекции, и в женитьбе.

Очевидно, ряд мотивов комедии предвосхищает «Горе от ума». Например, Беневольский так же приезжает в дом Звёздова за невестой, уверенный, что его ждут и будут ему рады. Образ Беневольского дается подчеркнуто снижено и иронично. Интрига комедии строится на постоянном противопоставлении. Петербург противопоставляется провинциальной Казани. Утрированная многословность Беневольского показана в контрасте с четкостью речи Полюбина: «Как краткословен! Он меня убивает», – отмечает Беневольский. Умное, т.е. признаваемое нормативным поведение одних персонажей противопоставлено ненормативному, маркированному лексемой глупость поведению других. Так, практический ум, разумность слуги Федьки и Полюбина контрастируют с глупостью Беневольского. Когда Беневольский ведет себя неразумно, слуга призывает его: «Образумьтесь <...>». Чувствуя, что слуга оказывается проворнее его, Беневольский одергивает: «Не умничай!». Если слова и действия Беневольского ведут к неразберихе и непониманию, то действия Полюбина, напротив, всеми оцениваются как разумные: «Полюбин, как умно сделали вы, что приехали!», – замечает Варинька. При знакомстве с Полюбиным Беневольский про себя замечает: «Я верно в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?». Полюбин же закономерно считает дураком Беневольского: «Что делать с дураком, который свое несет?». Глупее себя считает Беневольский и Саблина, который не верит в его поэтический талант и не читает журналов: «А этот гусар <...> еще храбрится своей глупостью». Саблин же, напротив, «дураком» называет Беневольского, презрительно отзывается о свете, о балах, потому что там приходится «прыгать со всеми уродами». О семье Звёздова он замечает: «Куда глупо, что здесь в доме не позволяют трубок курить! Я умно делаю, что к сестре не переезжаю жить». Саблин также стремится манипулировать чужим умом: «<...> настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела». Продолжая парадигму, Грибоедов житейской хитрости Звёздовой противопоставляет тупое упрямство ее мужа. Например, Варинька объясняет Полюбину, что Звёздов, стремясь выдать ее за Беневольского, не руководствуется прагматическими соображениями, а просто поступает наперекор жене: «Но за вас меня не выдает потому, что жена этого хочет; он в пятьдесят лет настоящий ребенок, всё любит делать наперекор всем». Звёздов считает себя умнее всех, хотя постоянно попадает в глупые ситуации, поскольку забывает свои же распоряжения и обещания, данные домочадцам и знакомым. Например, по глупости он покупает картины, которые оказываются дешевой мазней. Образ Звёздова воплощает типичное барское самодурство, которое, как известно, вызывало активное неприятие Грибоедова. Так, Звёздов пытается собрать большой оброк со своих крепостных, нежели они могут выплатить, считая, что они просто ленятся или хитрят. Глупость Звёздова получает комическое речевое воплощение. Например, не узнав Беневольского, он оправдывается: «Да как тебя узнать? вырос, постарел, помолодел». Отсутствие собственного ума он скрывает за народным умом – некстати употребленными пословицами, поговорками, которых может быть сразу несколько в одной реплике: «...говорить правду – терять дружбу <...> никто не без греха; то лишь плохо, что в чужом глазу иглу видим, а в своем нам и бревна не видать...». Таким образом, ум становится параметром, которым персонажи определяют и оценивают друг друга.

Антитеза ума и его антиномии – глупости очевидна также на стилистическом уровне. Манерной, покарамзинистски фигурной, преувеличенно метафоричной речи Беневольского противопоставлена подчеркнута бытовая речь других действующих лиц: простонародная грубость речи Федьки, слуги Беневольского: «У этих больших бар, кто им пырь в глаза, да не вовремя, тот и виноват...», «Я ведь в Питере понавострился...»; гусарский жаргон лихого ротмистра Саблина: «Я бы сам себя на его месте обраковал и пристрелил»; «Плевать я

хотел на твою дружбу...»; «дворянское» просторечие самого Звездова: «Я кому ни показывал картины, все говорят – мерзость, а он с меня сдул вексель в двенадцать тысяч...».

Целый ряд комических положений в пьесе основан на непонимании собеседниками Беневольского его вычурного, перифрастического языка. В комедии он часто играет роль шута поневоле. Так, Саблин называет Беневольского «шутлом» и «уродом». Полюбин, иронизируя над ним, подражает его речи: «Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса...», что глупый и тщеславный Беневольский принимает за похвалу. Сниженно показан и Беневольский-поэт. Саблин негативно отзываясь о сочинительстве, обрывает Беневольского, просит не читать стихов. Когда Беневольский декламирует свои стихи Фedyке, тот сначала ничего не понимает: «А кто их поймет? мне давеча такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!», а потом и вовсе засыпает.

На протяжении всей комедии персонажи прямо называют Беневольского дураком (6 словоупотреблений). Очевидно, что он недостаточно проворен, чтобы соревноваться в уме с остальными домочадцами, его поражение закономерно. Решив отдать Вариньку за Полюбина, Звёздов отправляется в деревню, требовать с крестьян оброк. На вопрос домашних, что же делать с Беневольским, он бросает: «Ну! да что об нем много думать? дураки в Петербурге не бывают без места». Семья Звёздова уезжает на дачу, а Беневольского выгоняет швейцар. Фedyка также покидает Беневольского, надеясь найти барина «потолковее»: «Вишь, все хорохорится: я-де всех разумнее, мне здесь дадут денег с три пропаста!...». Когда к Беневольскому по протекции Звёздова все же приходит издатель Прохоров, амбиции Беневольского улетучиваются, – его талант поэта не оценен, и остается лишь согласиться на незавидную должность корректора.

Если бестолкового Беневольского зовут «дураком», то «умным» действующие лица называют только того, кто успешен, имеет высокое положение, связи в обществе. Например, Звёздов говорит об издателе Прохорове: «Человек очень умный, со всеми авторами знаком».

Мотив хитрости, отмеченный нами в ранних комедиях Грибоедова, получает также значительную разработку. По замечанию А.А. Зализняк, ум состоит, в частности, в способности правильно предсказывать ход развития событий, и потому может отождествляться с хитростью [2]. Если ранее в комедиях Грибоедова хитрость в семейных делах, как свойство практического ума, была присуща персонажам, несущим положительную авторскую оценку, то в данной комедии ни один из персонажей не может претендовать на авторскую симпатию, а хитрость подчеркивается в тех, кто скорее глуп, чем умен. Так, когда Беневольский напоминает Звёздову о данных когда-то обещаниях, тот отвечает: «Точно! помню, помню, и ты очень умен, что это помнишь», «Ступай и подличай», – советует Саблин Полюбину, чтобы добиться руки Вариньки. Звёздова, зная страсть мужа всем и во всем перечить, решает притворно согласиться на брак Вариньки с Беневольским. Действительно, видя, что все радеют за этот брак, Звёздов тотчас отказывается от своего желания. Полюбин говорит о Звёздовой, которая взялась обхитрить мужа: «Но чего не сделает умная женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно хитрить!». Но, не желая признавать ум сестры, он тут же замечает: «На ее месте всякая другая с меньшим умом и с большим лукавством делала бы из своего мужа, что хотела...». Хитрость Звёздовой отмечает и ее муж: «Постой-ка, госпожа хитрая особа...», «Не станешь хитрить со мной...». Звёздова, хитрость которого быстро раскрывают, Саблин называет «плутом».

Своеобразное значение в комедии приобретает и ставший для Грибоедова традиционным мотив безумия. В данном случае он отражает не сумасшествие от любви, не страсть или ревность персонажа, как в его переводных комедиях, но несоответствие его действий общепринятым нормам, что собственно и делает Беневольского в глазах остальных персонажей дураком, которого уже «не вразумишь». Когда Беневольский, размечтавшись о скором богатстве, обещает своему слуге пятьсот, а потом и тысячу вместо сорока рублей жалования, Фedyка замечает: «Рехнулся он». Еще не будучи представлена Беневольскому, Варинька называет его «безумным», видя, как тот, приехав, передевается прямо на улице. Когда Беневольский по ошибке принимает Звёздову за свою невесту и обращается к ней с пламенными патетическими речами, та говорит Вариньке: «Он с ума сходит», на что Варинька иронично замечает: «Помилуйте, с чего ему сойти?». Все речи Беневольского характеризуются Саблиным как бред: «Вы целый час бредили», «Полно бредить». Отчаявшись объяснить Беневольскому, что он все напутал, что его невеста Варинька, а не Звёздова, Полюбин обращается к Саблину: «Возьмись хоть ты его вразумить». Когда Беневольский, Саблин и Фedyка напиваются, Фedyка вдруг начинает петь какую-то народную песню, Беневольский его обрывает: «Шш! что ты, с ума сошел?», на что Фedyка тут же отвечает: «А сами-то что?».

Кроме Беневольского характеристику «сумасшедший» может получить только самодур Звёздов, желание которого выдать Вариньку за Беневольского для всех явное безумие. Так, Саблин, узнав, что Беневольский – жених Вариньки, говорит сестре: «Кстати, что вы с ума сошли с мужем вдвоем?». «Какой сумасбродный!», – восклицает Звёздова, видя упрямство мужа.

Наравне с мотивом сумасшествия через комедию проходит мотив смеха, обличающего глупость персонажей. Все смеются над Беневольским, он смеется надо всеми: «Ха! Ха! Ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны». Смешные, нелепые ситуации постоянно случаются с Беневольским: «Беневольский смешон, и очень смешон...», – отмечают действующие лица. Например, он долго дожидается Звёздова, а когда Звёздов наконец приезжает домой, он не узнает Беневольского, принимает его за очередного просителя и спешит от него отделаться. При знакомстве с Варинькой Беневольский принимает ее за служанку, а своей невестой называет Звёздову. Даже когда ему объясняют, что он ошибся, он полагает, что его разыгрывают, и по-прежнему обращается к Вариньке на «ты», как к служанке. Звёздова рассказывает об этом мужу, выставляя Беневольского дураком и лишая его поддержки Звёздова: «Да как ты, человек умный, человек ученый, а свою невесту счел за служанку. Ха! ха! ха! (Все смеются)», вся сцена испещрена ремарками «помирая со смеху», «хохочет», «общий смех», «продолжает смеяться», «все смеются». Впрочем, смеются не только над Беневольским. Домашние смеются и над самодуром Звёздовым, смешным может быть и поведение Звёздовой. Так, Саблин смеется над сестрой, которая выезжает одна на детские балы.

Таким образом, если в ранних переводных комедиях Грибоедова происходит зарождение концепта ума, то в оригинальном раннем творчестве мотив ума расширяет свою семантику за счет присоединения новых мотивов — глупости, хитрости, безумия и смеха. В зрелой комедии Грибоедова «Горе от ума» мотив ума продолжает свое развитие и выходит на качественно новый уровень, обретая статус ключевого концепта.

Список литературы

1. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / А.Л. Гришунин, С.А. Фомичев. СПб., 1995–2006. Т. 1–3.
2. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
3. Орлов В.Н. Грибоедов: Очерк жизни и творчества. М., 1954. С. 63.
4. Фомичев С.А. К творческой предыстории «Горя от ума»: (Комедия «Студент») // От «Слова о полку Игоревом» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 88–98.

СЕКЦИЯ №11.

**ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ
КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)**

СЕКЦИЯ №12.

**ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)**

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15. ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ПОМОЩЬ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сыракая Севтап

Аспирантка, Анкарский университет, г. Анкара, Турецкая Республика / аспирантка,
Казанский федеральный университет, г. Казань

После начала германской оккупации сначала Черчилль, а потом и Рузвельт пообещали поддержку СССР; затем между Лондоном и Москвой начались переговоры с целью оценки политической, военной и экономической ситуации и принятия необходимых решений.

Быстрое продвижение немецких войск вглубь советской территории начиная с 22 июня вызвало появление в мировой и турецкой прессе рассуждений на тему того, как будет выглядеть военное и экономическое сотрудничество США, Великобритании и СССР. В этот период мировая общественность полагала, что Советы получат экономическую поддержку от Америки, которая еще не вступила в войну. Еще 28-29 июня начались переговоры между Лондоном и Москвой с целью принятия совместных экономических мер против врага [25]. На переговорах обсуждалась продукция, которую Великобритания и США смогут предоставить СССР, ее объемы и пути доставки. [24; 31 с.81]

Советские источники сообщали, что 16 августа 1941 года между Москвой и Лондоном был заключен кредитный договор на сумму 10 миллионов фунтов стерлингов. К октябрю 1941 года СССР приобрел у Великобритании и США оружие и военную продукцию на сумму 41 миллион долларов. Программа займов и ленд-лиза между СССР и Великобританией началась в сентябре 1941 года, а между СССР и США — в ноябре 1941 года [27 с.24].

В начале германо-советской войны страны антигитлеровской коалиции испытывали затруднение в оказании помощи СССР из-за захвата немцами морских путей и случаев саботажа. Усиление позиций Германии в Северном Ледовитом океане привело к уничтожению многих конвоев с помощью для СССР и к задержкам доставки [27 с.24,30]. Так как альтернативный морской путь в обход океана через Владивосток занимала слишком много времени [28 с. 8-12], на переговорах между Великобританией и СССР было решено использовать маршрут: Персидский залив — Иранский коридор — Кавказ. Использование этого пути стало возможным после совместной оккупации Ирана английскими и советскими войсками [9 с.1; 12 с.1; 18 с.1; 22 с.1].

В связи с помощью, оказываемой СССР странами антигитлеровской коалиции, в турецкой прессе появлялось множество сообщений о транспортировках по маршруту Персидский залив – Иран – Азербайджан, который был географически близок к Турции. Первое сообщение на эту тему было опубликовано в газете «Улус» 11 сентября 1941 года. В нем говорилось, что Великобритания и США будут поставлять военную технику, оборудование, транспортные средства и другую продукцию через Персидский залив, Иран и Кавказ [2 с.3]. Немного позже в турецкой печати появились сведения, что для сборки отправленной странами антигитлеровской коалиции техники в Мурманске и Иране были построены специальные предприятия [4 с.3].

Сразу после завершения московской конференции 2 октября Атай выступил со статьей, в которой оценивал экономические, военные и политические потери Советского Союза и утверждал, что даже если СССР посвятит подготовке всю зиму, он сможет должным образом подготовиться к весенним сражениям только с помощью Великобритании и США [3 с.1].

15 октября 1941 года в газете «Улус» А.Ш. Эсмер опубликовал статью, посвященную обсуждаемому на Московской конференции торговом сотрудничестве СССР, Великобритании и США. Журналист писал, что на конференции было принято решение касательно этого торгового сотрудничества, вида помощи и ее объемов. В своей статье он приводил слова представителя Великобритании на Московской конференции, барона Бивербрука, который утверждал, что США и Великобритания готовы оказать любую посильную помощь, но СССР получит ее лишь весной [6 с.5]. Эсмер считал, что до того момента Советам придется использовать свои собственные ресурсы для борьбы с Германией². Подводя итог Московской конференции, журналист отмечал, что она принесла

² Предположение С. Энвера оказалось верным. США отправили продукции меньше, чем обещали при подписании Московского протокола к программе предоставления займов и ленд-лиза, и к тому же задержали отправку. Например, из 600 обещанных самолетов было отправлено

СССР больше вреда, чем пользы. Данное утверждение он объяснял тем, что демонстрация своих возможностей странами антигитлеровской коалиции перед странами «оси» и их обещания всю зиму поставлять СССР значительное количество вооружения вызовут беспокойство Германии, и она предпримет попытки форсировать события на восточном фронте [6 с.5].

В этот период, когда повсюду звучали утверждения об «чрезвычайно серьезной ситуации в СССР» [10 с.1,5], 10 октября в турецкой прессе было опубликовано письмо Рузвельта к Сталину, содержащее обещания в духе высказываний Бивербрука. В нем американский президент утверждал: «Мы найдем способ доставить снаряжение и материалы ко всем фронтам, где идут сражения с Гитлером, включая и ваш» [11 с.5], и таким образом объявил всему миру о намерении сдержать данное СССР слово. Интерес представляет также статья о роли Великобритании в оказании помощи Советскому Союзу, перепечатанная «Улус» из газеты «Yorkshire Post». В ней утверждалось, что пока Англия противостоит Германии, являясь плацдармом для переправки неисчерпаемых ресурсов Америки и Канады на поле военных действий, немцы не смогут выиграть эту войну [8 с.4]. Несмотря на это, в газете «Тан» появилась статья, в которой автор пытался найти ответ на вопрос: «Могут ли Великобритания и США помочь СССР?» В этой статье, написанной М.З. Сертелем, говорилось о том, что английские заводы выпускали продукцию только для Советского Союза в течение одной недели [27 с.24], но, несмотря на наличие значительного количества танков и другого военного оборудования, Великобритания испытывала трудности по их доставке русским [17 с.5]. Сертель также упомянул, что Советы смогут воспользоваться англо-американской помощью только весной, и до этого времени им придется полагаться на свои собственные ресурсы и производство [17 с.5].

В материалах, посвященных характеру помощи, обещанной антигитлеровской коалицией Москве, сообщались общие сведения, без упоминания конкретных видов продукции. Например, 10 октября газета «Улус» опубликовала статью под заголовком «Лекарства в СССР», где приводились комментарии председателя американского Красного Креста М. Дэвиса. Как он пояснял, Великобритания немедленно отправит Советам 800 тонн имеющихся в наличии медикаментов, а сразу после этого – еще лекарств на сумму 250000 долларов [15 с.5].

Турецкая пресса считала, что страны антигитлеровской коалиции в основном будут помогать СССР военной техникой, танками и оружием³. На формирование такого мнения в значительной мере повлияла речь Сталина. В статье «То, что мы узнали из речи Сталина» Сертель привел слова советского вождя о том, что СССР получит еще больше военных танков, и что Великобритания, воздушные суда которой находились на американском и советском фронтах [21 с.5], занималась транспортировкой танков в СССР [19 с.1].

Большинство статей, связанных с торговыми отношениями СССР со странами антигитлеровской коалиции, были опубликованы в особо напряженные первые полгода войны. Ведь в этот период эта тема была животрепещущей, статьи же давали новую информацию и долгое время оставались на повестке дня.

В 1942 году появились сообщения о серьезных потерях и трудностях доставки по морю помощи союзникам [16 с.1]. В статье М.Ф. Феника были приведены некоторые данные, взятые от британских и американских новостных агентств, касательно объемов этой помощи к концу 1942 года. В соответствии с этим данными, СССР получил 4084 танков, 3052 самолета и 3031 единиц моторной техники⁴.

Сообщения турецких изданиях того времени позволяют проследить связь между экономической помощью стран антигитлеровской коалиции и стремлением СССР добиться открытия Второго фронта [1 с.1]. Когда бы Москва ни обращалась с соответствующей просьбой к США и Великобритании, информационные агентства этих стран сразу же публиковали материалы, содержащие сведения о помощи, оказываемой СССР странами антигитлеровской коалиции.

Один из примеров можно увидеть в статье под названием «Второй фронт и СССР» М.Ф. Феника. Автор приводит выдержки из публикаций британских и американских изданий, которые в ответ на просьбы СССР открыть Второй фронт обвиняли его в неэффективном использовании переданного ему вооружения: «В СССР отправили 4084 танков. Если бы столько этих бронированных машин было у Германии, она могла бы создать еще

лишь 204, из 750 танков – 182, из 25600 грузовиков – 9238. Та же участь постигла бомбы, алюминий, никель, магний, в которых нуждался СССР. [27 с.25-29].

³ Турецкая пресса была права в своем предположении. США и Великобритания на протяжении войны посылали в СССР танки, самолеты, грузовики, гаубицы, различные бомбы, оружие, металлы, топливо для самолетов, продовольствие и другие товары. [23 с.178; 28 с.121-123; 29; 30 с.74]

⁴ [7 с.2] В соответствии с решениями, принятыми на Московской конференции, проходившей с 29 сентября по 1 октября 1941 года, США и Великобритания отправили СССР за 9 месяцев 3600 самолетов, 4500 танков и автомобилей, а также олово, алюминий, свинец и т.д. Тем не менее, Великобритания в октябре-декабре 1941 года отправила меньше танков и самолетов, чем от нее ожидалось. Объем помощи, оказанной США с октября 1941 года по июнь 1942 года, также оказался меньше указанного в Московском протоколе. [31 с.82-83].

15 танковых дивизий. А ведь у немцев всего не более 25 танковых дивизий. Опять же, Великобритания отправила СССР 3052 самолета. С таким количеством Германия могла бы создать две воздушные армии. А ведь у нее всего 7 воздушных армий. В СССР также отправили 3031 единиц транспортной техники. Этого достаточно для оснащения 20 германских дивизий. Следует помнить, что вся эта помощь была оказана во время подготовки стран антигитлеровской коалиции к операции в Африке» [7 с.2]. С другой стороны, в газете «Улус» Ф.Р. Атай писал о том, что СССР считал, что вооружения и военных материалов, полученные от антигитлеровской коалиции, было недостаточно, а основная помощь – открытие Второго фронта — все еще не была предоставлена [1 с.1].

Страны антигитлеровской коалиции [14 с.1], на конференции в Квебеке пообещавшие увеличить объемы своих поставок в СССР, к концу войны отправили лишь 3-5% вооружения, использованного Красной Армией во время войны⁵. Тот факт, что эти страны в тяжелое военное время оказали поддержку Советскому Союзу, характеризовал их с положительной стороны. Однако данные об объемах их помощи были преувеличены.

Когда стали очевидными близкое окончание войны и неизбежное поражение Германии, страны антигитлеровской коалиции сообщили, что построенные в Иране и Мурманске заводы будут переданы СССР и переправлены в Одессу [4 с.3]. Утверждалось, что на этих заводах для СССР было произведено 200000 грузовиков и 40000 внедорожников [4 с.3]. После победы над Германией страны антигитлеровской коалиции приостановили отправку военной помощи [13 с.3].

Список литературы

1. Atay F.R. Afrika Seferi ve Rusya // Ulus. 1942. 17 Kasım.
2. Atay F.R. Kızılyıldızın bir İması // Ulus. 1941. 1 Eylül.
3. Atay F.R. Rusya'nın Siyasi ve Askeri Kayıpları // Ulus. 1941. 2 Ekim.
4. Basra ve Murmansk'teki Tesisler Odessa'ya Taşınıyor // Ulus. 1945. 17 Ocak.
5. Beaumont J. Comrades in Arms: British aid to Russia 1941-1945. Londra: Davis-Poynter, 1980.
6. Esmer A.Ş. Moskova Konferansından Sonra // Ulus. 1941.15 Ekim.
7. Fenik M.F. İkinci Cephe ve Sovyetler // Ulus. 1942. 19 Kasım.
8. İngiliz Gazetelerinin Tefsirleri // Ulus. 1941. 11 Ekim.
9. İran'a Karşı Müşterek Harekat // Cumhuriyet. 1941. 26 Ağustos.
10. Londra'ya göre Rusya'da Vaziyet Vahim // Ulus. 1941. 10 Ekim.
11. Roosevelt'in Stalin'e Mektubu // 1941.10 Ekim.
12. Rusya ve İngiltere İran'a Girdi // Cumhuriyet. 1941. 26 Ağustos.
13. Rusya'ya Amerikan Sevkiyatı Savaş Bittiği İçin Durduruldu // Cumhuriyet. 1945. 14 Mayıs.
14. Rusya'ya daha Fazla Miktarda Malzeme Verilecek // Ulus. 1941. 22 Ağustos.
15. Rusya'ya ilaç // Ulus. 1941. 10 Ekim.
16. Rusya'ya Kafilerle Sevkiyat Büyük Müşkülata Uğruyor // Tan. 1942. 16 Mayıs.
17. Sertel M.Z. İngiltere ve Amerika Sovyet Rusya'ya Yardım Edebilirler mi? // Tan. 1941. 29 Eylül.
18. Sertel M.Z. Sovyetlerin Galip ya da Mağlup Oluşlarına Göre Vaziyet Ne Olabilir? // Tan. 1941. 29 Ağustos.
19. Sertel M.Z. Stalin'in Nutkundan Öğrendiklerimiz // Tan. 1941. 8 Kasım.
20. Soviet Supply Protocols. Washington: United States Government Printing Office, 1947
21. Sovyet Cephesindeki Britanya Hava Kuvvetleri // Ulus. 1941. 10 Ekim.
22. Sovyetler Tebriz'e Girdi // Ulus. 1941.28 Ağustos.
23. Tuyl H.P. Feeding the Bear American aid to the Soviet Union 1941-1945. New York: Greenwood Press, 1989.
24. АВП РФ, ф.06, оп.3, п.21 д.282 л.11-13;
25. АВП РФ, ф.413, оп.12с, д.4462 л.236-241.
26. АВП РФ, ф.6, оп.4, д.248, л.6;
27. Барятинский М. Б. Танки ленд-лиза в бою. М.: Эксмо, 2009 .
28. Бутенина Н. В. Ленд-лиз: сделка века. М.: издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
29. Кашеев Л.В., Реминский В.А. Реминский В.А. Автомобили ленд-лиза. Рига: TORNADO, 2000
30. Коломиец М.В., Мощанский И.Б. Танки ленд-лиза. М.: Экспринт, 2000.
31. Международные отношения и внешняя политика СССР. / Кандидаты ист. наук, доценты К. П. Агеенко, Г. Г. Куранов, Г. З. Лекомцев и др. Москва: Военное издательство министерства обороны СССР, 1976.

⁵ Протоколы касательно займов и ленд-лиза между странами антигитлеровской коалиции и СССР были подписано в Вашингтоне, Лондоне и Оттаве. Для подробной информации по перевозкам, установленным данными протоколами, и их осуществлению см: [5 с.169; 20 с.19-20,54-72,77,89-152; 26; 32 с.200,309-310,312]

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС БЫТЬ В СОСТАВНОМ / СЛОЖНОМ СКАЗУЕМОМ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИЙ БЫТИЙНОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Голайденко Л.Н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г.Уфа

Классическая философско-психологическая категория представления (наглядно-чувственный образ, воспроизводимый в памяти или конструируемый в воображении на основе переработки прошлого чувственного опыта – ощущений и восприятий) рассматривается нами как структурно-семантическая категория в современном русском языке, поскольку семантика воспоминания / воображения находит непосредственное выражение на всех уровнях языковой системы [6].

«Организуя» внутреннюю жизнь индивидуума и поэтому являясь очень актуальной для носителей русского языка, категория представления обнаруживает себя во всём, что связано с познанием окружающего мира и самопознанием человека.

Ярко выраженный когнитивный, антропоцентрический характер категории представления обуславливает её теснейшую взаимосвязь с другими категориями, «высвечивающими» логику и целостность отражения человеком действительности в сознании и языке.

Адекватность, полнота и творческий потенциал этого отражения во многом определяются диалектическим взаимодействием философских категорий представления и бытия и соответствующих им в языке структурно-семантических категорий представления и бытийности (с позиций структурно-семантического направления в современной русистике [2] категория бытийности квалифицируется как структурно-семантическая, ибо под ней понимается «выраженное средствами языка значение существования в действительности предметов, процессов, признаков, явлений» [4, с. 81]).

Данная когнитивная связь обнаруживается в том, что «семантика существования опирается на отображение человеком наличия или отсутствия того или иного мира вещей» [4, с. 81]. Этот «мир вещей» отображается в человеческом сознании в формах разной степени отвлечённости, в том числе и в представлениях. Он фиксируется и при необходимости воспроизводится в человеческой памяти в виде обработанных и обобщённых сознанием наглядно-чувственных образов, которые могут быть «близки к оригиналу» (воспоминание) либо существенно трансформированы, придуманы, творчески сконструированы как совершенно новые и оригинальные (воображение). Поэтому правомерно говорить о существовании или отсутствии в сознании человека тех или иных представлений, что определяется прошлым чувственным опытом личности и силой её фантазии.

В качестве типичного презентанта категории бытийности в русском языке выступает глагол быть («1. Существовать, иметься. 2. Присутствовать, находиться. 3. Происходить, случаться. 4. Употребляется как часть составного сказуемого» [9, с. 70]), который обозначает «наличие факта, события без указания на его развитие, внутреннее движение» [15, с. 20].

Данный глагол, в отличие от глаголов представлять, вспоминать, воскрешать, воображать, фантазировать, казаться и др., выражает семантику представления опосредованно, переводя «процесс бытия, существования, наличия» [4, с. 82] благодаря грамматическим категориям времени и наклонения в план прошлого – воспоминания – или будущего – воображения.

Ярче всего связь категорий бытийности и представления в семантике глагола быть проявляется тогда, когда он выполняет в предложении функцию простого глагольного сказуемого [5]. Вместе с тем эта связь, на наш

взгляд, сохраняется и при употреблении данного глагола в функции связки в составном именном или сложном сказуемом именного / смешанного типа. Например:

Троцкий был прекрасным охотником, учёным человеком и лучшим оратором страны (Ф. Искандер. Кутёж трёх князей в зелёном дворике); «Как я был влюблён в эту ночь, как был счастлив! И как мне больно и досадно было, когда я на другой день утром проснулся и почувствовал, что я свободен! (Л. Толстой. Казаки); Я надеюсь на завтрашний день. Завтра всё будет по-другому. Ей нужно сбросить с себя тяжёлую ношу минувшего (Б. Окуджава. Девушка моей мечты); – Эх, отлично было бы закатить теперь в Шатрово, – говорил мой приятель Павел Иванович Сарафанов, отдувая пар со своего блюдечка (Д. Мамин-Сибиряк. Все мы хлеб едим...); – Ах, если б я была девушкой!.. (А. Горький. О первой любви); – А что, к нам не пожалуете? Уж как бы мой старик рад был! (Л. Толстой. Утро помещика) и т.п.

В свете взаимодействия категорий бытийности и представления весьма актуальным и принципиальным для нас становится вопрос о лексико-грамматическом статусе быть в составном именном или сложном сказуемом именного / смешанного типа. Этот статус определяется в русистике по-разному.

Так, например, П.А. Лекант, анализируя труды Ф.И. Буслаева, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, поддерживая и развивая отечественную лингвистическую традицию, квалифицирует быть в предложениях типа Мой отец был врачом или Я буду справедливым как «собственно связку» [8, с. 269]. Такое понимание быть и отражающий его термин в классическом языкознании коррелируют с уже устоявшимися характеристиками соответствующей связки: идеальная (А.М. Пешковский), отвлечённая (Л.В. Щерба).

Опираясь в основном на идеи Л.В. Щербы и особенно В.В. Виноградова, который «представил всестороннее описание связки быть» [7, с. 3], П.А. Лекант актуализирует мысль о том, что связка быть не глагол, хотя имеет глагольные формы: конкретным лексическим значением она не обладает, ей чуждо значение действия, она мыслится вне категории вида и залога [3]. Отсюда два принципиальных вывода: во-первых, «глагол существования» быть и связка быть – омонимы; во-вторых, название связки быть глагольной ошибочно [7, с. 3].

Являясь «абсолютным» ядром центра» системы «связочных глагольных слов» [8, с. 273], специализированная отвлечённая связка быть, по П.А. Леканту, относится исключительно к грамматическому уровню языка, потому что связывает сказуемое с подлежащим и выражает грамматические значения наклонения, времени, лица [8, с. 270], как и все отглагольные связки. Лексический же уровень «интересен лишь постольку, поскольку он с большей или меньшей чёткостью и детальностью реализует грамматическое содержание» [8, с. 273].

На базе идеальной [10] связки быть, подчёркивает П.А. Лекант, сложились типовые значения всех связок, лексическая семантика которых (обозначение сущности отношений «предмет – признак» в их предикативной квалификации) подверглась переосмыслению и грамматизации – связочные глагольные слова перестали называть конкретные действия [8, с. 273]. Отвлечённая связка быть, по мнению П.А. Леканта, обладает «нейтральным значением наличия признака», констатируя отнесение этого признака к предмету [8, с. 273–274]. Данную грамматическую характеристику специализированной связки быть, которая «свидетельствует об отсутствии изменения предикативного признака», поддерживает Т.Е. Шаповалова: «Значение связки быть проявляется как наличие у предмета предикативного признака, фиксируемого говорящим <...>. Связка быть обозначает присущность данного признака данному предмету» [16, с. 116].

Если П.А. Лекант и Т.Е. Шаповалова достаточно последовательны в трактовке быть как связки, лишённой лексического значения и статуса глагола, то некоторые учёные, подчёркивая отсутствие у быть его основного значения, всё же используют термин «глагол-связка».

Например, Л.И. Пирогова относит быть к незначительным глаголам-связкам, которые «играют роль лишь носителей грамматического значения» [11, с. 56].

В учебнике современного русского литературного языка под редакцией В.Г. Костомарова, В.И. Максимова «глаголы-связки в зависимости от степени сохранения ими своего основного значения делятся на три группы»; быть входит в первую группу глаголов-связок, «полностью потерявших своё значение, указывающих только на лицо, число и наклонение» [12, с. 661].

Быть, таким образом, лишившись лексического значения, всё-таки в определённом смысле остаётся глаголом, выступая в составном именном сказуемом в роли связки.

Весьма логичной и противоположной первой точке зрения на грамматический статус быть в предложениях типа Ночь была тёмная, тёплая (Л. Толстой), Стол уже был накрыт на веранде с цветными стёклами, отчего сахар в сахарнице был зелёный, огурцы красные (В. Кочетов) является позиция В.В. Бабайцевой. Называя быть глаголом-связкой, лингвист утверждает, что быть выражает «семантику бытия и модально-временные значения» [1, с. 326].

Мы согласны с этим мнением и находим доказательства его объективности в рассмотренных ранее суждениях П.А. Леканта и Т.Е. Шаповаловой, раскрывающих значение связки быть как наличие у предмета предикативного признака.

Употребление учёными номинатива наличие в толковании значения связки быть актуализирует синонимические связи с существительными существование – бытие. Субстантив наличие, ключевой в объяснении значения связки быть, является ключевым и в лексикографическом описании соответствующего глагола – трактовке его основного значения.

Заметим также, что в толковых словарях русского языка функция связки (части) составного сказуемого зафиксирована как одно из значений многозначного глагола быть, из чего следует, что глагол быть и связка быть не омонимы.

Пытаясь усилить исключительно связочную, только грамматическую роль быть в составном именном сказуемом, рассуждая о связке быть как показателе присущности предикативного признака предмету и приводя в качестве примера форму прошедшего времени был(а, о, и), Т.Е. Шаповалова снова, того не желая, «высвечивает» в связке быть значение бытия: «Форма прошедшего времени выражает значение реальности этой присущности в прошедшем <...>» [16, с. 116]. Присущность – это принадлежность: у предмета был (есть или будет) признак. Принадлежность – это наличие, существование (неслучайно номинативы присущность и существование однокоренные), а наличие, существование – это бытие. Например:

– Звали его, как теперь помню, Пётр Григорьич. Хороший был человек... купец-то... (А. Чехов. Степь);
Декабрь 1908 года был чудесный: безветренный и снежный (И. Ратушинская. Одесситы).

Безусловно, «глагол быть в функции связки не утрачивает полностью своего лексического значения бытия, существования признака во времени» [1, с. 327]. Термин «глагол-связка» как раз и отражает синкретизм быть в составном именном сказуемом – сочетание признаков глагола, обладающего лексическим и грамматическим значениями, и связки – вспомогательного слова, имеющего некоторые специфически глагольные формы. Причём в данном термине акцент делается на первой составляющей: речь идёт о глаголе в функции связки.

Термин же «глагольная связка», который на первый взгляд воспринимается как синонимичный термину «глагол-связка», по сути, не является ошибочным, потому что указывает на глагольное происхождение связки быть и сохранение ею определённых свойств глагола. Однако в данном термине наблюдается смещение акцента с глагола на связку, доминирование служебной функции соответствующего слова. К тому же возможно ещё одно понимание термина «глагольная связка» – «Слово, связывающее глаголы». Исходя из этих соображений, мы принимаем в качестве наиболее точного и лингвистически корректного термин «глагол-связка» и синонимичное ему терминологическое словосочетание «глагол в функции связки».

Отсутствие у глагола-связки быть значения действия, что рассматривается П.А. Лекантом в рамках отечественной традиции как один из важнейших аргументов «не глагольности» собственно связки быть, видится доводом не очень сильным.

Во-первых, не все глаголы русского языка обозначают действие как таковое: общее грамматическое значение процессуальности может быть реализовано, например, как состояние (спать), проявление признака (зеленеть), мыслительная операция (понимать).

Во-вторых, многие глаголы с абстрактной семантикой, называющие процессы, которые характерны для ментальной сферы человека, либо вообще не имеют никакого отношения к действию (помнить, казаться и т.п.), либо совмещают в своей семантике значения мыслительного действия и интеллектуального состояния (мечтать, думать и т.п.). Совершенно очевидно, что не обозначение данными глаголами какого-либо действия не исключает их из соответствующего лексико-грамматического класса слов.

Глагол быть обладает отвлечённой семантикой и является производящей базой для номинации одной из фундаментальных и при этом по-разному трактуемых философских категорий – категории бытия. «Бытием <...> называют совокупность всего сущего, мир в целом. <...> Согласно современной онтологии, бытие – это идентичное во всём многообразии сущего». По Аристотелю, бытие «и есть «сущее, поскольку оно является сущим», или сущее как таковое в его характеристике как сущего, следовательно, до его расчленения на отдельные вещи или предметы» [14, с. 56–57].

Но прежде всего бытие – это «существование, бытие в мире, данное бытие», констатируемое словом есть («например, в предложении: Я есть» [14, с. 56]). «Бытие впервые становится метафизической проблемой только там и тогда, где в разговоре употребляется <...> слово есть» [14, с. 57] (метафизика как наука «делает темой изучения существующее как таковое, подвергает исследованию элементы и основные условия всего существующего вообще и описывает значительные, важные области и закономерности действительного, то есть <...> во всей смене явлений и выражений ищет постоянное и связь» [14, с. 265]).

Несомненно, центральная философская категория бытия максимально абстрактна и более или менее доступна для понимания как бытие реальное – «то, что сообщает вещам, процессам, личностям, действиям и т.д. их реальность: оно имеет пространственно-временной характер, оно индивидуально, неповторимо» [14, с. 56]: не только Я есть, но Я был и Я буду – более того, Я есть / был / буду тем / таким.

Функционирование в речи глагола быть в разных временных формах позволяет коммуникантам несколько конкретизировать бытие, представляя его реальным в настоящем, прошлом или будущем. Употребление же в разных временных формах глагола-связки быть помогает не только установить как реальность бытие в настоящем, прошлом или будущем, но и зафиксировать особенности этого бытия, выражаемые основной частью составного именного сказуемого. Глагол-связка быть прикрепляет и предмет, и его предикативный признак – специфическую характеристику – к одному из временных планов, превращая бытие в совокупность реальных, конкретных и разнообразных фактов. Например:

– И кто ж украл? – рассказывала жена Евгения Михайловича. – Василий, наш бывший дворник <...>. – Негодяй был, – сказал Евгений Михайлович (Л. Толстой. Фальшивый купон); Завтра я буду счастлив! (И. Тургенев. Ася).

Неудивительно, что глагол-связка быть используется в художественной прозаической речи намного чаще других глаголов-связок (представляться, напоминать, казаться и др.), выступая актуальным для носителей русского языка средством «приручения» бытия, управления им и мысленного передвижения в нём; средством осознания целостности, многоаспектности, индивидуальности человеческого существования в прошлом, настоящем и будущем. Например:

Прекрасным был этот последний год его жизни. Осень стояла на дворе тишайшая, кроткая, необыкновенно щедрая (Л. Улицкая. Медя и её дети); «Когда я буду большой, – рассуждал я сам с собой, вернувшись к себе на верх, – Петровское достанется мне, и Василий и Маша будут мои крепостные» (Л. Толстой. Отрочество).

Категория бытия фундаментализирует русскую национальную картину мира. Бытийные отношения «есть, наличествует, существует (кто, что) – нет, отсутствует, не существует (никто, ничто)» являются когнитивной основой русской языковой картины мира, которая отличается своеобразной «интроспективностью», то есть отражением в ней высокой степени созерцательности и эмоциональности [13]. Поэтому неслучайно глагол быть находится в центре системы русских глаголов и глагольных связочных слов и образует ядро ЛСП бытийности.

Эти отношения настолько важны для «вживания» человека в окружающий мир и самоидентификации личности, что глагол быть даже в функции связки в составном именном или сложном сказуемом именного / смешанного типа не утрачивает бытийного значения окончательно и остаётся действенным инструментом в познании и оценке человеком многообразия сущего.

Этим, на наш взгляд, обуславливается возможность более широкого понимания идеальности, отвлечённости глагола-связки быть. Идеальный, отвлечённый характер быть в составном именном сказуемом – это результат не только потери некоторых грамматических признаков глагола и обретения свойств связочного слова, но и сохранения живой семантической связи с категорией бытия, которая как категория философская относится к бытию идеальному. «Идеальное бытие (в смысле идеи) лишено временного, действительного, опытного характера, ему не свойственно быть фактом; оно является строго неизменным (застывшим), существующим вечно. Идеальным бытием в этом смысле обладают ценности, идеи, математические и логические понятия» [14, с. 56].

Кроме того, идеальность глагола-связки быть может рассматриваться как оптимальность, специальная предназначённость данной единицы для выражения отнесённости любого существующего и актуального для коммуниканта признака соответствующему предмету, бытующему в одном из актуальных временных планов – прошлом, настоящем или будущем.

Глагол-связка быть, совмещающий в себе бытийную семантику и модально-временные значения [1, с. 326] – специальное и уникальное средство преобразования идеального бытия в бытие реальное через установление факта наличия у предмета того или иного признака. В результате такая характеристика глагола-связки быть, как специализированность [8; 16], получает более широкое – не только грамматическое, но и семантическое – толкование.

Очевидно, что глагол-связка быть в составном именном сказуемом, выражая грамматические значения времени и наклонения, вносит в семантику этого сказуемого значение бытия [1, с. 326], а бытие, как мы уже отмечали ранее, отражается в сознании человека и в виде представлений – воспоминаний или воображаемых картин.

Поскольку воспоминание обращено в план прошлого, а воображение – в план будущего и, естественно, в область ирреального, желаемого, в разной степени осуществимого, то принципиально важными при

соответствующем рассмотрении глагола-связки быть становятся грамматические категории времени и наклонения. Например:

– Мать у меня была раскрасавица, прямо цыганка! (К. Паустовский. Разливы рек); Насыщенное было время! (А. Битов. Пушкинский дом); – Я учителем буду... литературы... – тихо, но твёрдо произнесла Маша (П. Храмов. Инок); Снег кончится, он найдёт топливо для костра, и снова жизнь будет прекрасна и удивительна (О. Куваев. Территория); – Ведь если б я только был уверен, когда вхожу, что все меня за милейшего и умнейшего человека сейчас же примут, – господи! Какой бы я тогда был добрый человек! (Ф. Достоевский. Неуместное собрание); «Как хорошо было бы жить с другом на берегу какой-нибудь реки!» И в глазах его через реку перекинулся мост (А. Ремизов. Огонь вещей).

Во всех приведённых отрывках из художественных произведений глагол-связка быть в форме прошедшего времени формирует описание воспоминания, а в форме будущего времени / сослагательного наклонения – описание воображаемой (желаемой) картины. Воспоминание или воображаемая картина есть результат отражения в сознании литературного героя его существования, актуального факта его прошлой или будущей жизни – того или иного предмета (в том числе самого себя) и соответствующего ему признака, которые в одном речемыслительном акте объединяются персонажем в целостную ситуацию – «наглядно-чувственный» фрагмент реального бытия.

Итак, вслед за В.В. Бабайцевой, мы квалифицируем быть в составном именном и сложном сказуемом именного / смешанного типа как глагол-связку, сохраняющий бытийную семантику и реализующий её в формах времени (лица) и наклонения. Из этого следует, что глагол существования быть и глагол-связка быть для нас не омонимы.

Связочная функция быть, содержанием которой является установление отношения между предметом и его предикативным признаком, рассматривается нами не только с грамматической, но и с семантической точки зрения: как фиксация факта наличия – бытия – у актуального во времени предмета так же актуального во времени признака.

Предикативные отношения в высказываниях типа Я был / буду кто / кем // какой / каким характеризуются явным синкретизмом: с одной стороны, Я был / буду (актуализируется семантика бытийности – существования во времени – предмета речи), а с другой – Я был / буду кто / кем // какой / каким (внимание акцентируется на существующем во времени предикативном признаке предмета речи). Глагол-связка быть, таким образом, совмещает в себе признаки собственно бытийного глагола и связки, находясь на пересечении двух классов слов – знаменательных и служебных.

Категория бытийности связана с категорией представления, ибо материальное бытие в процессе познания его человеком идеализируется, отвлекается от своей непосредственно ощущаемой, воспринимаемой сущности и, прежде чем стать сущностью понятийной, интеллектуальной, отражается в человеческом сознании в виде наглядно-чувственных образов – воспоминаний и воображаемых картин.

Поскольку глагол-связка быть сохраняет семантику бытийности, то его, вместе с базовым, ядерным бытийным глаголом, правомерно рассматривать как лексико-грамматическое средство выражения в речи (в том числе художественной прозаической) семантики воспоминания / воображения.

Употребляясь в форме прошедшего времени, глагол-связка быть указывает на воспроизведённое в памяти (воспоминание) наличие у предмета какого-либо признака в прошлом, а использование глагола-связки быть в форме будущего времени / сослагательного наклонения подчёркивает мысленно конструируемое, предполагаемое, желаемое (воображение) существование того или иного признака предмета в будущем.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке: Монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 496 с.
2. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн, М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – с. 61–73.
3. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: Учебное пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 639 с.
4. Востоков В.В. О категории бытийности и бытийные глаголы в русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2012. – С. 79–84.
5. Голайденко Л.Н. Глаголы быть, бывать как лексико-морфологические средства выражения семантики представления в художественной прозаической речи // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – Челябинск: ЧГПУ, 2015. – № 4 [в печати].

6. Голайденко Л.Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Томск: ТГПУ, 2013. – № 3 (131). – С. 140–145.
7. Лекант П.А. Нуль в аналитической предикативной форме // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: модальность, эмоциональность, образность: Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ – МАНПО, 2011. – 178 с.
8. Лекант П.А. Функции связок в русском языке // Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 311 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: Учебное пособие. – Изд. 9-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 432 с.
11. Пирогова Л.И. Русский глагол. Грамматический словарь-справочник. – М.: Школа-Пресс, 1999. – 512 с.
12. Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова, проф. В.И. Максимова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – 916 с.
13. Тодосиенко З.В. Семантическая деривация в сфере глагольных предикатов физического процесса (на материале русского, английского и татарского языков): Автореферат диссертации ... канд. филол. наук. – Уфа: БГУ, 2015. – 24 с.
14. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблёва, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 576 с.
15. Чепасова А.М. Глаголы в современном русском языке: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 408 с.
16. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке: Монография. – М.: МПУ, 2000. – 151 с.

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО АСПЕКТА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Шагина Ю.В.

Волгоградский государственный аграрный университет, г.Волгоград

Замечательные слова о красоте и величии нашего языка принадлежат его великому мастеру и знатоку Ивану Сергеевичу Тургеневу: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками. Обращайтесь бережно с этим орудием – в руках умелых оно способно творить чудеса».

Высокий уровень речевой культуры – неотъемлемая часть культурного человека. Совершенствовать свою речь – задача каждого из нас. Для этого нужно следить за своей речью, чтобы не допускать ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложений. Нужно постоянно обогащать свой словарь, учиться чувствовать своего собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции.

Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной деятельности называется культурой. Язык является средством развития культуры и средством усвоения культуры каждым из членов общества. Культура речи – важнейший регулятор системы «человек – культура – язык», проявляющийся в речевом поведении.

Под культурой речи понимается такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Очень часто встречаются случаи, когда искаженный язык весьма активно пропагандируется средствами массовой информации, а также высокопоставленными чиновниками, которые допускают в своей речи множество ошибок, не придавая этому абсолютно никакого значения, хотя роль языка в жизни общества огромна и воздействие он имеет очень сильное.

Язык выполняет разные коммуникативные задачи, обслуживая разные сферы общения, каждая из которых в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые ставятся в ней, предъявляет к языку свои требования. Коммуникативный компонент играет решающую роль в достижении целей общения. Соблюдение норм языка, всех правил этики общения не гарантирует создания удовлетворительных текстов.

Решению проблем коммуникативных проблем культуры речи способствует соблюдение определенных правил, касающихся качества речи.

1. Речь должна быть точной. Точность речи чаще всего связывают с точностью словоупотребления. Точность словоупотребления зависит от того, насколько говорящий знает предмет речи, насколько он эрудирован, умеет ли логически мыслить, знает ли законы того языка, на котором говорит, его правила.

Таким образом, точность речи определяется:

- знанием предмета;
- логикой мышления;
- умением выбирать нужные слова. [9]

2. Речь должна быть понятной. Соблюдение данного правила важно потому, что оно связано с действенностью, эффективностью речи.

По мнению исследователей, общепонятность речи определяется, прежде всего, отбором речевых средств, а именно необходимостью ограничить использование слов, находящихся на периферии словарного состава языка и не обладающих качеством коммуникативной общезначимости.

3. Необходимо заботиться о чистоте речи. Чистота речи – это отсутствие в ней лишних слов, слов-паразитов. Собственно, в языке таких слов нет, такими они становятся в речи говорящего из-за частого, неумеренного и бессмысленного их употребления. Слова-паразиты не несут никакой смысловой нагрузки, не обладают информативностью. Они просто засоряют речь говорящего, затрудняют ее восприятие, отвлекают внимание от содержания высказывания. Кроме того, лишние слова отрицательно психологически действуют на слушателей.

4. Речь должна быть разнообразной и оригинальной. Богатство, разнообразие и оригинальность речи говорящего или пишущего во многом зависит от того, насколько он осознает, в чем заключается самобытность родного языка, его богатство.

Богатство любого языка определяется, прежде всего богатством словаря. Говорящему необходимо иметь достаточный запас слов, чтобы выражать свои мысли четко и ясно. Богатство языка определяется и смысловой насыщенностью слова, то есть его многозначностью.

5. Речь должна быть выразительной. Выразительность речи усиливает ее эффективность. Выразительность может создаваться средствами языка всех его уровней. Она во многом зависит от ситуации общения.

Таким образом, мы можем назвать, ряд условий, от которых зависит выразительность речи отдельного человека. К ним относят: самостоятельность мышления автора речи; равнодушие, интерес автора речи к тому, о чем он говорит, пишет, и к тем, для кого он говорит или пишет; хорошее знание языка, его выразительных возможностей; хорошее знание свойств и особенностей языковых стилей; систематическая и осознанная тренировка речевых навыков; умение контролировать свою речь; сознательное намерение говорить и писать выразительно.

Подводя итог работы можно сделать следующие выводы, мы можем кратко описать комплекс тех коммуникативных качеств речи, которые менее жестко обусловлены языковой структурой речи в современном обществе и ее связью с действительностью. Это именно те качества, которые позволяют говорить о культуре речи с точки зрения ее «возделывающей», «культурирующей» функции. Сюда следует отнести чистоту, выразительность, богатство (разнообразие) и уместность речи. Так, чистота речи оценивается посредством соотношения речи с литературным (т.е. обработанной формой) языком и этическими установками (за рамки чистой речи выносятся все элементы, чуждые литературному языку - диалектизмы, варваризмы, жаргонизмы и др. - и нравственным нормам - вульгаризмы, арготизмы, обесценная лексика). Выразительность есть собственно эстетическая характеристика речи и может быть определена как внутриречевая направленность на поддержание внимания и интереса у адресата сообщения; выразительность речи обеспечивается специализированными языковыми средствами - тропами и фигурами, однако можно говорить о том, что в ней задействованы практически все элементы языковой системы, начиная со звуков и кончая синтаксисом. Итак, рассмотренные коммуникативные качества позволяют говорить о проблемах культуры речи в современном обществе с различных точек зрения, и вместе с тем они во взаимодействии представляют собой некоторую целостную систему, и с позиций в которой речь может быть описана максимально исчерпывающе.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Афет Эльбрус Кызы Алекберова

Бакинский Славянский Университет

Доцент кафедры тюркология

Summary

Despite the fact that F. Zeynalov not consistently worked on the vocabulary of Turkic languages, it showed its position in this area. He touched in his articles such questions that have not yet been resolved.

Keywords: vocabulary of Turkic languages, linguistic terms, dialects and sub-dialects.

Несмотря на то, что область лингвистики, которой занимался Ф.Зейналов, была морфология тюркских языков, его всегда интересовали проблемы лексики тюркских языков. Его статьи «Необходимость создания словаря сравнительных лингвистических терминов тюркских языков» и «О вопросе тюрко-монгольских лексических параллелей» с этой точки зрения представляют особый интерес.

Статья «Необходимость создания словаря сравнительных лингвистических терминов тюркских языков» была напечатана в Истанбуле [6]. В этой статье автор поднимает вопросы, которые до сегодняшнего дня не нашли своего решения [4]. Создание общетюркского языка, сравнительного словаря лингвистических терминов и в наши дни являются актуальными проблемами тюркологии. В современных тюркских языках употребляются лингвистические термины, которые выражают одно понятие разными словами.

Ф.Р. Зейналов отмечает, что исследовательские труды, написанные в национальных языках, были известны только в определенных кругах, остались в замкнутой рамке. По его мнению, причиной этого является отсутствие одного реферативного журнала и общих сравнительных лингвистических терминов. Автор отмечает, что лингвистические термины в тюркских языках должны или искусственным образом образоваться, или во многих более близких тюркских языках они могли бы быть общими (например, огузской, кыпчакской, карлукской и т.д.). Так, лингвистические термины в тюркских языках должны образоваться или на основе исконно тюркских слов или на основе слов одного из тюркских языков. Это могут быть и заимствованные общеупотребительные слова, которые подчиняются правилам тюркских языков.

В этой статье рассматриваются разные формы лингвистических терминов, выражающих одни и те же понятия в тюркских языках. Здесь говорится также о терминах, которые в том или ином значении совпадают друг с другом. Наблюдается, что в огузской группе тюркских языков термины, называющие вспомогательные части речи, почти совпадают. Ф.Р. Зейналов говорит о необходимости составления сравнительного словаря лингвистических терминов. Он считает это необходимым потому, что исследователи могли ознакомиться с лингвистической литературой в разных национальных языках.

Он предлагает взять за основы следующие принципы при составлении словаря:

1) Выбор часто употребляемых слов терминов, 2) Было бы целесообразно, если бы один вариант словаря был составлен на русском языке, 3) Сначала надо составить русский словарь, а потом найти соответствие слов в разных тюркских языках, 4) После издания одного варианта словаря можно потом на основе этого варианта печатать его в конкретном тюркском языке 5) Чтобы эффективно пользоваться словарем можно дать индексы в конце словаря.

В статье в сравнительной форме даются примеры лингвистических терминов, относящихся к разным группам тюркских языков. Здесь особое внимание уделяется терминам, которые употребляются в огузской, кыпчакской, карлукской, уйгуро-огузской и киргизо-кыпчакской языковых группах. Так Ф.Р. Зейналов создает пример первого сравнительного словаря языковых терминов в тюркских языках. К сожалению, после Ф.Р. Зейналова в тюркологии не были попытки создать такой словарь, этой проблемой даже ни какой тюрколог не занимался.

А в статье автора «О вопросе тюрко-монгольских лексических параллелей» говорится о соответствиях в лексическом составе тюркского и монгольского языка [5]. Автор анализирует этот вопрос в историческом аспекте. Так как, большая часть слов, общих в обеих языковых группах (монгольских и тюркских языковых групп) имеет тюркское происхождение. Наблюдается тот факт, что соответствия в составе словаря в основном

связаны с общением и носят региональный характер. Ф.Р. Зейналов акцентирует на то, что при определении соответствий в тюркских и монгольских словах, необходимо опираться на древние памятники. Так как, сравнение современных языков значительно усложняет выявления этого сходства. Вот почему, автор правильно считает основным принципом исследования исторический принцип.

Некоторые слова, являющиеся исторически общими, в тюркских языках подвергались очень сильным изменениям, но в монгольском языке они сохранились в первичном варианте или подверглись не очень значительным изменениям. Автор отмечает что, учитывая исторический процесс развития каждой языковой группы, необходимо хорошо знать специфические особенности, грамматическую и фонетическую структуру каждого языка, пути их развития и изменения. По его мнению, для определения общего слоя лексического состава тюркских и монгольских языков, нужно привлечь к сравнению слов и терминов, относящихся к различным областям этих языков. Как известно, лексический состав этих языков, условно разделяют на 3 группы: слова, выражающие имя, признак или качество, действие. Ф.Р. Зейналов, выступая с этой позицией, сравнивал тюркские и монгольские слова в рамках ареалов их распространения.

В группу тюркских-монгольских общих терминов, обозначающих имя входят названия растений, человеческие имена, названия годов, месяцев, и дней. Он показывает, что большинство общих тюркско-монгольских терминов, обозначающих имя, имеют тюркское происхождение, и они заимствовались монгольскими, тунгусскими и маньчжурскими языками. Отмечается что, большинство этих слов наблюдается в древних тюркских письменных памятниках, но не встречаются в памятниках монгольской письменности. Ф.Р. Зейналов с некоторыми такими существенными фактами доказывает что, общие для обоих языков слова являются тюркского происхождения.

Ф.Р. Зейналов анализирует каждую группу терминов по отдельности, приводит примеры, дает объяснение некоторых слов. Тот факт, что среди вспомогательных частей речи в тюркских и монгольских языковых группах не имеются параллели, дает автору основание прийти к мнению, что эти языки не имеют одинаковые генеалогические корни.

Как известно, есть лингвисты, которые относят тюркские языки к урало-алтайской семье, а иногда к алтайскую группу языков. Ф.Р. Зейналов именно с этой статьей утверждает что, тюркские языки не относятся к вышеуказанной семье языков, их следует считать отдельным языковым семейством.

Ф.Р. Зейналов исследует лексические проблемы тюркских языков, при этом он также говорит о лексических проблемах азербайджанского языка. Его статьи «О словообразовании» и «Некоторые замечания о появлении общественно-политических слов в азербайджанском языке в советские времена» посвящены к этому вопросу [2; 3].

Несмотря на то, что Ф.Р. Зейналов не последовательно занимался исследованием лексики тюркских языков, он как ученый, тюрколог показал свою позицию в этой области.

Список литературы

1. Зейналов Ф.Р. Говоры Арпачайских селений. Ученые записки, Серия языка и литературы. АГУ, 1977. №6, с. 24-31, 1978-№1, с. 8-14.
2. Зейналов Ф.Р. О словообразовании. Литература и искусство, 1962, 13 январь, № 2.
3. Зейналов Ф.Р. Некоторые замечания об образовании общественно-политических слов в азербайджанском языке в советский период. АГУ, Записки филологического факультета, Баку, 1958. с.105-110.
4. Зейналов Ф.Р. Необходимость создания словаря сравнительных лингвистических терминов тюркских языков. Ученые записки АГУ Серия языка и литературы, 1973 №. 4, с. 90-95.
5. Зейналов Ф.Р. О вопросе тюрко-монгольских лексических параллелей. Лексико-морфологический строй тюркских языков. АГУ, 1981.
6. Зейналов Ф.Р. О вопросе тюрко-монгольских лексических параллелей Международный тюркологический съезд. Истанбул, 1973.

СЕКЦИЯ №18. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

ОБ ОБРАЗОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аллахвердиева М.Ф.

Бакинский Славянский Университет
Старший преподаватель кафедры Русского языка и методики ее преподавания,
диссертант кафедры Современного русского языка

Summary

Modern taxes terminology consists of units of various origins. The evolution process of taxes-due terminology in its initial stage mainly developed on account of the inner resources of the language and partially on account of the borrowings from other language.

Key words: tax terms, the process of evolution, internal resources of language, borrowings from other languages.

История развития терминов налогово-пошлинной сферы в русском литературном языке представляет собой долгий и сложный процесс. Термины этой сферы связаны с понятиями, которые сложились в особых социально-экономических условиях, характерных для XI–XIV вв. Термины, обозначающие налоги, подати, пошлины, нашли отражение в летописях ранних памятниках деловой письменности, позднее — в лексикографических источниках. Специальная лексика, как известно, во все периоды истории взаимодействует с общенародным языком, формируясь на его базе, пополняя ее. Однако это взаимодействие появляется в разном соотношении в зависимости от степени развития терминологической лексики. Так, если для современного этапа характерно вхождение терминов в систему общенародного языка.

Специальная лексика формировалась на базе общеупотребительных слов языка.

Естественной средой, в которой появились и функционировали первые налоговые термины, был «деловой язык», возникший еще в донациональный период, с одной стороны, был близок к разговорному языку, а с другой стороны постепенно сближался с литературным языком народно-литературного типа. [1, 37-38]

Отмечая особенности делового языка, его связь с разговорной речью, А.М. Селищев писал «Близость к живой народной речи обусловлена была не тем, что это был начальный момент его письменного применения, а содержанием речи, сферой применения ее... Не только стиль, но и точность содержания деловой речи, документальная точность требовала применение соответствующих слов — слов русского определенного значения». [4, 59]. Такое «определенное» содержание появилось в результате специализации общеупотребительных слов, приобретения ими новых значений на основе имеющихся.

Новые значения были основаны на ассоциативных связях, определяемых объективными свойствами предметов и явлений действительности. В начальный период развития налогово-пошлинной терминологии возникло много терминов для наименования таможенных пошлин, которые собирались с самых разнообразных действий. Пошлинами были обложены товары, их провоз через заставы, по дорогам и рекам, а также взвешивания их, мера, продажа, покупка и т. д.

Семантические процессы, отражавшие различного рода ассоциативные связи, способствовали появлению новых единиц — специальных наименований видов налога, единиц налогообложения, лиц, взимающих налоги, платящих налоги и т.д. Регулярные метонимические значения специального характера развивались в семантике многих общеупотребительных слов: бор, вес, бела (белка), год, езд, вар, дар, двор, плуг, продажа, соха и др.

Рассмотрим некоторые примеры.

Так, одним из самых древних терминов — обозначений весовой пошлины является термин вес, образовавшийся на основе слова вес, имевшего несколько близких значений: <тяжесть>, <тяжесть товара при взвешивании>, <определенный вес при взвешивании, гиря>, <сбор с вешания, пошлина>: «Даю святому... на строение церкви: весовчаной» [5, 494].

В семантике слова вывод, производного от слова вывести, сложилось специальное значение <плата за невесту, т.е. за право вывести ее из родной семьи>. Ср. термин выводные с тем же значением: «А кто дочь даст замуж изь столнича пути на посадь или въ волость, и он даст (волостелю) за выводную куницу два алтына». [5. 440]

Значение <налога с воза> имеет слово воз <повозка>: «А с воза скорятаможникомъимати по полуденчѣ...». Существительное бор, производится от глагола братии, также имело специальное значение <род дани>: «Новгородци... князю дана боръ, по волости 1000 рублевъ...» [5, 157]

В семантической структуре существительного дар, соотносительного глаголом дать, наряду со значениями <дарование>, <дар божественный, благодать>, <склад>, встречается и значение <подати> : А хлѣбъ, и куны, и даръ, а то идетъ матери моеи и сыну моему Федору» [5, 631]

Специальное значение слова дань, производного от глагола дати, сформировавшееся на базе процессуального значения, фиксируется в деловых памятниках, начиная с X-XI веков: «А въ ...погостехъвоѣхъ сходитъ дани осмьсотъ гривень». [5, 628]

Термин дань, обозначающий основную подать, натуральный или денежный используется уже в «Повести временных лет», отражающий по словам Д.С.Лихачева, - «древнейший период русской истории, цельную литературно изложенную историю Руси». [2, 169]

Слово торг, использовалось для обозначения торговой пошлины, имевшее несколько близких значений: «торговля», «торг», «базар», «торговая площадь», «время базарного торга», «пошлина за право торговать на базаре», «товар», использовалось для обозначения торговой пошлины. Специальное значение этого слова сложилось на основе метонимического переноса — «торг», «базар» — «пошлина за право торговать на базаре», «... торг десятые». [5, 1055]

В семантической структуре многозначного слова дружба, обозначавшего «прислуживание», «услуга», «служба», «исполнение обязанностей», «служение», «должность», «прислуга», «забота», «назначение», «средство», «богослужение», «литургия», по известной модели развивается специальное значение «вид повинности» как, например, в «Жалованной грамоте 1365 года»: «недобе им некоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни служба». [5, 430].

Нередко специальные терминологические значения появлялись в тех случаях, когда на основе метонимического переноса название какого-либо предмета, используемого в определенных промыслах, переносилось на название пошлины с данного вида промысла.

Так, на основе значения «сковорода, употребляемая при выварке соли», в семантике слова противень появилось терминологическое значение «натуральное обложение с соляных варниц»: «не надобе с них ни противень, ни тамги» [1, 81].

Название особого вида повинности — «сторожевая повинность» развивается в слове сторожа: «стража», «охрана», «сторожевой передовой отряд»: «или какая пошлина, или какие доходы, или заказы, или служба» [5, 522]

Специальное терминологическое слово корм появляется на основе метонимического переноса предмета — налог с предмета. Ср. корм — «пища», «угощение», «пир» и «род подати»: «Не надобе им некоторая дань, ни ям, ни подвода, ни корм». [5, 1409], ... и десятники мои корму и десятичных пошлин у них не емлют» [1, 40].

В налогово-пошлинной терминологии раннего периода значительное место занимали термины, обозначающие лиц — сборщиков дани и лиц, плативших дани. Например, борець(произв. от гл. брати) — «сборщик подати»: «Борцамъ серебро въ двое» [5, 158].

Термин выведщик также обозначает сборщика податей (соотносится с термином вывод): «А межъ нас модемънашимъ и гостемъ путь чистъ, безърубжеа; а кто учинитьрубжеъ, или выводъ, рубжешика и выведшикавыдати по исправѣ» [5, 439].

Значения <платящий дань> и <собирающий дань> совмещали термины данник и данщик: «Новгородцы ... тогда же и Ржеву воевашасвоихъданщиков... дани даватиНовгородцемъ». «А поедут наши баскаки и таможники ,данщики, поборщики, писцы по сѣмънашимъграмотамъ...» [5, 628].

Налогово-пошлинная терминология раннего периода включала в себя и наименования единиц обложения. Соответствующие значения образовывались в семантике ряда слов.

Так, один из древних налоговых терминов вещь обозначал не только <повинность, подать>, но и <известное число дворовъ при раскладке податей>. Многозначное слово двор <жилище, дом, усадьба>, <двор>, <двор при княжеском доме>, так же обозначало и единицу обложения: «Не надобѣимъ ни мыгъ, ни тамга... ни города не делают волостешнадвора не ставять» [5, 643].

Таким образом, налоговые термины в период формирования налогово-пошлинной терминологии (XI—XIV) появлялись в языке в результате разнообразных семантических и словообразовательных процессов и отражали определенный этап в развитии социально-экономических отношений.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Основные проблем изучения, образования и развития древнерусского литературного языка. М.: Наука, 1956.
2. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л. 1947.
3. Повесть временных лет. Петрозаводск, 1981.
4. Селищев А.М. О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка// Вопросы языкознания. 1957.
5. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка в трех томах. М. 1989.

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

О ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ И СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ С ПОЗИЦИЙ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Шевченко О.Г.

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г.Петропавловск-Камчатский

В последние десятилетия при анализе языковых явлений нередко используется прототипический подход, с точки зрения которого категория содержит центральный элемент, т.е. прототип, и элементы, относящиеся к области периферии данной категории. Прототипы отличаются наличием характеристик, которые максимально проявляют черты, присущие и другим элементам данной группы. Их можно назвать единицами, воплощающими такие черты наиболее ярко и полно [5, 41], это «наилучшие примеры категории» [4, 156]. Благодаря наличию периферийных зон, между категориями нет четких границ.

Прототипический подход дает возможность объяснить существование явлений промежуточного характера в области грамматики, в частности, по-новому взглянуть на традиционное деление частей речи на знаменательные и служебные.

Авторы нормативных грамматик выделяют немало признаков различий между этими двумя группами слов, которые касаются их значения, морфологических и синтаксических характеристик, употребительности:

- Знаменательные части речи обладают номинативной функцией – они дают наименования предметам, действиям, признакам и т.п. Служебные части речи лишены этой функции. Они выполняют иное назначение; так, типичные служебные слова – предлоги и союзы выражают отношения и связи между словами знаменательными.

- Лексическое значение знаменательных частей речи четко отделимо от грамматического; так, глагол *to run* означает «двигаться быстро» (лексическое значение), его грамматическое значение – «процесс». У служебных частей речи такую дифференциацию произвести нелегко; некоторые лингвисты полагают, что, к примеру, предлог и союз вовсе лишены лексического, а обладают лишь грамматическим значением.

- Знаменательные части речи выступают в функции самостоятельных членов предложения; служебные могут лишь входить в состав какого-либо члена предложения (предлоги) или же соединяют члены предложения либо части сложного предложения (союзы).

- Знаменательные части речи изменяемы; так, одушевленные существительные, обладая категориями числа и падежа, имеют четыре формы: *cat / cat's / cats / cats'*; качественные прилагательные – три формы степеней сравнения. Служебные части речи не имеют парадигмы, они неизменяемы.

- Знаменательные части речи многочисленны по составу; существительных, прилагательных и глаголов в языке – десятки тысяч. Это – открытые классы слов, так как их состав постоянно пополняется за счет заимствований, а также вследствие словообразовательных процессов внутри языка. Служебные части речи образуют сравнительно небольшие группы слов; так, предлогов в английском языке несколько десятков; артиклей – всего два. Классы служебных слов закрыты, поскольку или не пополняются вовсе, или эти процессы протекают очень медленно.

- При том, что служебные части речи составляют незначительный процент словарного состава языка, их частотность употребления несравненно выше, чем у знаменательных слов [7, 21-22].

- Знаменательные слова способны выступать в качестве ведущего слова словосочетания: *an interesting book* (существительное), *very difficult* (прилагательное), *spoke fluently* (глагол); служебные в такой роли использоваться не могут.

- Знаменательные части речи всегда ударны; служебные, как правило, не имеют ударения [8, 31-32].

Несмотря на существование явных различий между знаменательными и служебными частями речи, возникает ряд вопросов при отнесении некоторых частей речи к той или другой группе, а также при квалификации отдельных слов внутри части речи.

Традиционно типичными знаменательными частями речи считаются существительное, прилагательное и глагол. Однако при ближайшем рассмотрении внутри каждой из этих частей речи можно обнаружить лексические единицы, у которых отсутствуют признаки, свойственные знаменательным словам. Так, имя существительное – изменяемая часть речи. Тем не менее, есть немало неисчисляемых существительных, у которых отсутствует категория числа. Что же касается категории падежа, следует признать способность регулярно использоваться в форме притяжательного падежа лишь у некоторых существительных, главным образом одушевленных. Существительные неодушевленные с этой точки зрения оказываются в целом неизменяемыми [9, 27] и могут принимать форму родительного падежа со значительными ограничениями.

Имя прилагательное – безусловно, знаменательная часть речи, благодаря наглядному проявлению признаков слов данной группы. Эти слова обладают ярким лексическим значением, всегда ударны, используются в самостоятельной синтаксической функции, чаще всего выступая в роли определения или предикатива. Принято считать, что имя прилагательное имеет категорию степеней сравнения. Но формы сравнительной и превосходной степени способны образовывать лишь качественные прилагательные (однако и среди них есть слова, обозначающие абсолютное качество и потому неизменяемые – *blind, vertical, straight, etc.*). Прилагательные относительные лишены такой возможности. Если также принять во внимание распространенную точку зрения о том, что аналитические формы степеней сравнения по сути таковыми не являются [3, 121], то число изменяемых прилагательных значительно сокращается и ограничивается лишь качественными односложными и некоторыми двусложными. Таким образом, большинство прилагательных лишены парадигмы, что в определенной степени сближает их со служебными словами. Кроме того, класс прилагательных не имеет четких границ. Так, особую проблему представляет статус слов *many, much, few, little*, которые находятся на периферии этой части речи и сближаются с местоимениями и числительными. Подобно числительным, они выражают количество. С местоимениями их роднит то, что, в отличие от типичных прилагательных, эти слова не имеют номинативной функции. Вместе с тем, они образуют степени сравнения, что является несомненным признаком прилагательных.

Глагол в целом обладает всеми признаками знаменательных частей речи, однако и в его системе присутствуют неизменяемые слова, в частности, модальные глаголы *must, ought*. Помимо этого, некоторые глаголы (вспомогательные, связочный *to be*) лишены номинативной функции, присущей знаменательным частям речи. С другой стороны, этим глаголам свойственна высокая частотность употребления, безударность в предложении, что является характерными чертами служебных слов. Следует заметить, однако, что они нередко становятся ударными – в вопросительных предложениях.

Таким образом, даже среди традиционно признаваемых знаменательных частей речи нет единообразия. Структура этих классов слов основана на прототипическом признаке. Прототипом следует считать лексические единицы, в максимальной степени обладающие всеми признаками знаменательных частей речи; что же касается слов, не в полной мере обладающих данными признаками, их необходимо отнести к периферии.

Относительно других частей речи также возникают проблемы при отнесении их к знаменательным либо служебным. Так, местоимение нередко включается в группу знаменательных слов, однако у него есть целый ряд особенностей, которые сближают его со служебными словами: отсутствие номинативной функции (местоимение лишь указывает на предмет или признак, не называя его), ограниченность и закрытость класса (подавляющее число местоимений существовали уже в древнеанглийский период; исключения составляют возвратные местоимения, образовавшиеся в средний период, и отдельные заимствования из скандинавского: *they, both, same*), высокая частотность употребления. Наиболее частотные местоимения (личные и притяжательные), как правило, безударны. Большинство местоимений неизменяемы. Перечисленные характеристики свидетельствуют о близости этих слов к служебным. Данное обстоятельство, видимо сыграло свою роль в том, что ряд лингвистов не рассматривает местоимения как самостоятельную часть речи (Г. Суит). Числительные также обладают целым рядом свойств, позволяющих усомниться в справедливости причисления этих слов к знаменательным. Эти слова неизменяемы; в языке их количество ограничено. Класс числительных является закрытым. Следует заметить, что, подобно местоимениям, эти слова зачастую не трактуются как отдельная часть речи. Вместе с тем, и местоимения, и числительные несут самостоятельную синтаксическую функцию, обычно выступая в роли определения (а также подлежащего, дополнения, предикатива – функций, свойственным именным частям речи).

Таким образом, они совмещают в себе черты и знаменательных, и служебных частей речи, вследствие чего их нередко называют малознаменательными [8, 136], и находятся на пересекающейся периферии этих двух групп слов.

Особую проблему представляет наречие: его обычно относят к знаменательным частям речи, однако эта часть речи включает лексические единицы, различные по своим свойствам. Так, качественные наречия имеют много общего с прилагательными, в том числе способность образовывать степени сравнения. С другой стороны, существуют местоименные наречия, лексическое значение которых весьма расплывчато; фактически у них отсутствует функция номинации (here, there, then). Таким наречиям свойственна высокая частотность, они неизменяемы. Наличие этих особенностей позволяет лингвистам трактовать наречие наряду со служебными словами; так, в классификации Г. Суита эта часть речи рассматривается в одной группе с предлогом и союзом.

Среди типичных служебных частей речи (предлог, союз, артикль) также наблюдаются отдельные особенности, сближающие их со знаменательными словами. Так, типичное служебное слово – артикль – можно в том или ином контексте заменить местоимением: a → some, any, every; the → this, that. Предлоги – безусловно, неизменяемые слова, однако в английском языке есть предлог nearest, имеющий форму превосходной степени. Особенности такого рода могут быть связаны с происхождением некоторых предлогов и союзов, восходящих к знаменательным частям речи – наречий, глагола в форме причастия (seeing that); в таких случаях их лексическое значение представляется достаточно ярким (according to, on condition that, etc.).

Особое положение в системе частей речи занимает междометие, которое совмещает в себе различные черты. У него отсутствует номинативное значение; однако лексическое значение таких слов довольно яркое, так как они выражают определенные эмоции. Междометия неизменяемы; в языке их ограниченное количество. Они не могут выполнять роль какого-либо члена предложения. С другой стороны, им присущ самостоятельный статус: они не зависят от какого-либо слова, а являются вводными членами предложения или представляют отдельный, особый тип предложения (квази-предложение) [1,174]. Таким образом, их вряд ли можно отнести либо к знаменательным, либо к служебным словам.

Такими же особенностями характеризуются частицы, служащие для выделения какого-либо значения, выражаемого знаменательными словами. В отличие от междометий, частицы могут относиться к какому-либо слову; вместе с тем их лексическое значение достаточно яркое. Круг этой части речи также четко не очерчен: отдельные частицы имеют омонимы среди других частей речи, в основном наречий: now, just, then, why, etc. Лишь привлечение контекста позволяет понять частеречный характер этих слов. Не до конца определен статус таких слов, как, например, oh, традиционно трактуемое как междометие. Некоторые исследователи относят это слово к частицам благодаря его функциям выражения не только эмоций, но и уяснения, интенсификации (побуждения и отрицания), замешательства [5, 63]. С другой стороны, такие лингвисты, как Р. Кверк, относят к группе частиц вторые элементы фразовых глаголов (give up), а также сопровождающие их предлоги (put up with) [1, 306].

Краткий обзор проблемы позволяет сделать вывод о том, что между знаменательными и служебными частями речи нет четких границ. В соответствии с прототипическим принципом организации языкового материала существуют как наиболее яркие образцы той или иной группы слов, так и периферия, где могут проявляться не типичные для данной категории слов свойства. Прототипический принцип прослеживается и среди лексических единиц, принадлежащих к одной и той же части речи, поскольку слова в разной мере демонстрируют признаки, присущие данной части речи.

Список литературы

1. Иванова И.П., Буракова, Г.Г. Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981.
2. Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я. Грамматика современного английского языка для университетов = Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English/Под редакцией И.П. Верховской. – М.: Высш.школа, 1982.
3. Кобрин Н.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие / Н.А. Кобрин, Н.Н. Болдырев, А.А. Худяков. – М.: Высшая школа, 2007.
4. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование [Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы»] /Язык и интеллект. Сб. /Пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В.Петрова – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. Ярцевой В.Н. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Минченков А.Г. Английские частицы: функции и перевод. – Санкт-Петербург: Антология, 2004.
7. Пособие по морфологии английского языка. Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Е.А. Корнеева, Н.А. Кобрин, К.А. Гузеева, М.И. Оссовская. – М.: Высшая школа, 1974.

8. Прибыток И.И. Теоретическая грамматика английского языка = Theory of English Grammar : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. ин. языков / И.И. Прибыток. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
9. Allsop, Jake. Students' English Grammar. – Prentice Hall International (UK) Limited, 1993.

ПРОТИВОБОРСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИРЛАНДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ)

Чурокаева В.И.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

В эпоху быстрого развития современного мира возникает проблема противоборства таких противоположных процессов, как: глобализация и национальная идентичность.

В целом, глобализация рассматривается как положительное явление, т. к. несет за собой благоприятные последствия, например, укрепление связей и увеличение степени интеграции между различными странами, формирование социальных организаций, всемирных политических и экономических союзов, культурный и научный обмен.

С другой стороны, глобализация стремится «перемолоть» национальную идентичность, растворить ее в таких процессах, как: экономизация, демократизация, информатизация, культурная стандартизация и ценностная универсализация [2]. При этом, как отмечают исследователи, произойдет потеря осознания национальной специфики культуры, ценностных ориентиров, языка и других важных составляющих любой нации [3].

Поэтому национальная идентичность понимается как некий «стержень» нации и определяется как «отношения по отождествлению индивида (или группы) как части другой группы, на основе общности происхождения, истории, территории, культуры, религии и языка» [1].

В данной статье мы исследуем проблему ирландской национальной идентичности на материале статей ирландских электронных газет.

В СМИ постоянно появляются новые статьи, в которых авторы приводят различные точки зрения, как ирландцев, так и представителей других наций, о сущности, особенностях национального характера жителей Ирландии, описывается отношение к ним, к их культуре, языку и стране в целом.

В статье «Why Ireland should look to Europe as well as America» [6] газеты TheJournal.ie Кейт Катарина Фергюсон объясняла, почему в начале этого века Мэри Харни сказала, что Ирландия находится ближе к Америке, чем к Германии и Европе в целом. Автор пишет: «Ireland's unique position wedged between Europe and America». Именно «втиснувшись» между двумя «очагами культуры», ирландскому народу следует быть очень внимательными, чтобы не потерять свою индивидуальность. Однако кризис все-таки разгорается: «Our identity crisis is totally understandable». Его причины объясняются в следующем: «We are a tiny, teddy-bear shaped island on the outskirts of Europe and on the passageway to America. We've only been independent since 1922. And we stayed out of the Second World War». Такое представление создает в нашей голове образ маленькой, беззащитной и еще неокрепшей Ирландии, что усиливается метафорой «a tiny, teddy-bear shaped island» и фактами о приобретении независимости и неучастии во Второй мировой войне, т.е. Ирландия как подросток, который уже почти вырос, но ему еще не разрешено участвовать в делах «взрослых».

Также интересно восприятие Ирландии Америкой и Европой: «Ireland is in a lucky place: we are liked by our neighbours on both sides. Americans find us charming and endearing and mainland Europeans find us wholesome, mysterious and other-worldly». Так Ирландия предстает как очаровательный и милый «любимчик» для Америки, и как что-то загадочное, но все-таки чистое как ребенок для Европы. Эта оппозиция указывает на противоречивое отношение других стран, дилемму ирландского народа «с кем взаимодействовать», «кому подражать» и тот факт, что людям очень важно, что думают о них другие.

В статье Ронана О'Мертхила «Why bother learning Irish?» [5] также поднимается проблема идентичности ирландского народа. Так, автор изображает различные стороны жизни ирландцев, которых всегда не понимали люди других стран: «the vast bulk of Irish speakers are ... recognised only by our difficult-to-pronounce names. But we are seen as 'other', problematic, bothersome and anachronistic. You can't understand the GAA, our music, way of speaking English, theatre, ... literary tradition, the geography and history, ... legal traditions, ... religious beliefs, our obsession with drinking and talking ... – all this can not be appreciated fully without an understanding of the language». Недостаточные знания об ирландской культуре и стереотип о том, что ирландцы – другие, проблемные, скучные

и старомодные, мешает остальному миру воспринимать и ценить их национальные особенности: “to appreciate all these things you need to grasp the context”.

Богатство культуры подчеркивается в следующем примере: “What is equally important is our rich cultural mix, which makes us flexible and better able to adapt to change”. Богатая культурная смесь помогает им быть гибкими и способными адаптироваться к различным изменениям в мире.

Наряду с культурными особенностями, в этой же статье описывается роль национального языка, как одной из главных составляющих самоидентичности любого народа. Ирландский язык воспринимается автором и всем народом как национальное сокровище, то, что помогает ирландцам понимать самих себя, свою идентичность: “if Irish dies then so too does our ability to know ourselves as a people”, “Irish is a national treasure that needs to be nurtured and kept alive”. Национальный язык – именно сокровище, нечто живое (alive), что нужно лелеять (nurture) и поддерживать (keep alive).

В другой статье этой же газеты «This is a unique island - and it's time we regained our pride» [4] журналистки Джуллианы Годсил кризис национальной идентичности ирландского народа раскрывается уже в заголовке. Фраза «it's time we regained our pride» звучит как призыв и одновременно вызывает у читателей вопрос, почему ирландцы утратили свою гордость. Журналистка 37 раз употребила лексему «we» и 15 раз - «our», тем самым отождествляя себя с аудиторией и включая себя в общность ирландского народа. Однако характерная для медийного дискурса оппозиция «мы» и «они» не проявляется настолько явно, что объясняется желанием автора не переносить основное внимание на «других», а сосредоточиться на ирландцах.

Сама страна представляется как «a unique island», «this small island» и «our patch of green», а народ Ирландии наделяется следующими характеристиками: «an interesting mix of conflicting characteristics», «the musical nature of our people, the cultural heritage we assume as our birthright and the energy of a people», «we do excel in carrying our culture, words, songs and stories», где эмфатическая конструкция с глаголом do служит для усиления положительного образа народа, «the darlings of Europe», «an educated population», «we had world beating sports people, authors, inventors, creators, innovators, dreamers, musicians, poets, filmmakers and scientists... We still do. We have let the workings of a few distort the work of the many. We have not changed as a nation. We are still those heady, creative, intelligent, warm and educated people» - во всех без исключения примерах видна безмерная гордость за национальный характер, за все то, что имеет нация.

В заключительном абзаце Джуллиана Годсил пишет: «It is time to stop being the underdog. It is time to examine what we have. It is time to build a new future». Анафорическое начало усиливает эффект призыва, апелляции к чувствам аудитории. Триединство, на которое должно, по мнению автора, обращать пристальное внимание, заключается в том, чтобы перестать воспринимать самих себя как неудачников, ценить то, что есть, и, наконец, правильно выстраивать свою жизнь.

Таким образом, кризис национальной идентичности, представленный в данной статье, представляется как частный случай противоборства глобализации и мировой интеграции и обособленного положения народов мира, роль которых все чаще освещается в современных СМИ.

В ходе анализа, были выявлены следующие аспекты выражения национальной идентичности: отношение к стране, ее народу, культуре и языку, которые в научной литературе выступают в качестве основных элементов любой нации.

Список литературы

1. Исайкин Д.М. К вопросу о праве народов на национальную идентичность // Социально-политические науки . 2012. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prave-narodov-na-natsionalnuyu-identichnost> (дата обращения: 05.02.2015).
2. Картунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла / С.В. Картунов. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 589 с. URL: <http://www.ino-center.ru/doc/national-identity.pdf> (дата обращения: 03.03.2015).
3. Русских Людмила Викторовна Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки . 2013. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kulturnaya-etnicheskaya-natsionalnaya> (дата обращения: 03.03.2015).
4. This is a unique island – and it's time we regained our pride. URL: <http://www.thejournal.ie/readme/column-this-is-a-unique-island-%E2%80%93-and-it%E2%80%99s-time-we-regained-our-pride-437582-May2012/> (дата обращения: 02.02.2015).
5. Why bother learning Irish? URL: <http://www.thejournal.ie/readme/why-bother-learning-irish-1327023-Feb2014/> (Дата обращения: 05.02.2015)
6. Why Ireland should look to Europe as well as America. URL: <http://www.thejournal.ie/readme/boston-berlin-kate-katharina-ferguson-587767-Sep2012/> (дата обращения: 02.03.2015).

**СЕКЦИЯ №20.
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)**

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Харитонов И.В., Беляева Е.Е.

Московский педагогический государственный университет

Как известно, французская философия эпохи Просвещения и немецкая классическая философия внесли большой вклад в формирование научного понятия «культура». Предметом данного анализа являются также особенности содержательного плана «культуры» как элемента лексикона, используемого для «обыденного» отражения действительности.

Слово культура имеет романские корни. В латыни существовали два «конкурирующих» имени существительных *cultus* (с более абстрактным и широким значением, близким к семантике глагола-происхождения *colo*) и *cultura*.

В семантической структуре глагольной формы *colo* присутствовали семы, которые реализовывались в разных словосочетаниях и отражали совершенно разные ситуации взаимодействия индивида с другими индивидами и с окружающей средой. Так деятельность человека, связанная с воздействием на внешнюю среду, представлена гиперсемой: 'преобразование' и гипосемами 'существование', 'проживание', 'охрана', 'забота', 'украшение', 'изучение', 'соблюдение', 'поклонение' - а человеческие отношения – гипосемами 'забота', 'обучение', 'почитание', 'почтение', 'уважение', 'отношение' и т.п. В значении глагола представлена и потенциальные семы: 'упорядочивание', 'улучшение, совершенствование', 'естественность' (то, что имеет природное происхождение) и 'искусственность' (то, что создано человеком), 'воспитание' и 'образование' [1], - которые получит свою реализацию в ходе семантического становления производного имени существительного *cultura*.

За именем существительным *cultura* закрепились лишь некоторые компоненты значения глагола: 1) возделывание, обрабатывание, уход; разведение; 2) земледелие, сельское хозяйство; 3) воспитание, образование, развитие; 4) поклонение, почитание [1].

Остальные семы глагола *colo* «взяло на себя» имя существительное *cultus*: 1) возделывание, обработка, уход, культура обработки; 2) насаждения, возделанные поля; 3) попечение, забота; 4) образ жизни: *cultus atque humanitas* (выделено мной – И.Х.) материальная и духовная культура; 5) наряд, туалет, одежда, одеяние; 6) убранство, пышность, великолепие; красота, изящество; 7) образование, развитие, воспитание; 8) занятие, изучение (каких-либо наук); 9) почитание, поклонение, культ, почёт, уважение; 10) вероисповедание.

Следовательно, именно слово *cultus* использовалось для обозначения того, что сегодня называется материальной и духовной культурой [1].

В отношении имени существительного *cultura* следует отметить, что оно обладало меньшим спектром значений, чем *cultus*. Однако общеизвестно, что именно эта словоформа была использована римским оратором и философом Марком Туллем Цицероном (106 – 43 г.г. до н.э.) в «Тускуланских беседах» в переносном значении для определения философии как культуры («возделывания») души, а философа как человека, обладающего культурой духа и ума («взращёнными» духом и умом).

В XVIII веке выбор сделан окончательно в пользу слова *cultura*. Отстаивая идею научного познания мира, Вольтер, в частности, резко критиковал лженаучные философские «теории», к которым относил и религиозные догмы. А поскольку латинское слово *cultus* все больше специализировалось на обозначении религиозного культа, то оно потеряло перспективу использования в сфере прогрессивной философской терминологии.

Рассмотрим те значения, которые слово культура имеет в современных языках. Начнем с французского языка, который наполнил его новым содержанием в XVIII веке. Употребление слова зафиксировано еще в Старофранцузском языке в 1509 году. В настоящее время лексикографы считают это слово омонимичным. Выделение первого из двух омонимов *culture* определяется этимологическим значением слова. Этот омоним стал приемником семантики латинского *cultura* и имеет следующие значения: I. 1) возделывание земли, совокупность действий, необходимых для выращивания полезных для человека и домашних животных растений; 2) во множественном числе: обработанные земли; 3) выращивание растений; по аналогии: выращивание некоторых

живых организмов (мидий, устриц, даже жемчуга). П. 1) с 1878 года термин микробиологии: метод выращивания микроорганизмов в питательной среде, выращивание тканей, клеток, эмбрионов [2].

Семантика второго из омонимов основана на том значении, которое уже французское слово *culture* стало приобретать с 1550 года: 1) развитие умственных способностей при помощи специальных интеллектуальных упражнений; в более широком смысле: совокупность приобретенных знаний, позволяющих критически мыслить, иметь собственные суждения и предпочтения; 2) совокупность интеллектуальных достижений цивилизации или нации (*La culture gréco-latine. Culture Occidentale. Culture Orientale. La culture française*). К этой же семантической реализации относится и обмен между различными культурами (*Echange entre cultures différentes*), который может быть по своей сущности межкультурным, транскультурным и мультикультурным (*interculturel, transculturel, multiculturel*). Как научный термин слово выступает в следующем значении: 3) совокупность определенных форм поведения, характерных для различных человеческих сообществ (*Nature et Culture*). Однако в этой своей семантической реализации слово используется и в обыденной речи, например: *Culture de l'entreprise* (культура предприятия). И, наконец, особое значение, которое возникло под влиянием философии И. Канта, это 4) методическое развитие тела при помощи специальной последовательной системы упражнений. Речь идет о физической культуре.

Таким образом, во французском языке существует разграничение смыслов понятия культура, вплоть до омонимии. Во французском языковом сознании культура предстает в трех бинарных оппозициях:

- воздействие человека на природу / воздействие человека на самого себя или взаимодействие с другими людьми;

- деятельность человека / результат деятельности;

- обыденное видение / научное видение.

Первая оппозиция обуславливает омонимический характер словоформы, а вторая – полисемию каждого из омонимов, третья – сферы его использования и комбинаторные свойства (сочетаемость с другими понятиями).

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что относительным синонимом культуры во французском языке является цивилизация. В соответствии со словарной дефиницией, культура в одном из своих значений выступает как содержательная: интеллектуальная и духовная, - сторона цивилизации. Если цивилизация отражает «предельность» в пространстве и во времени (как любая форма), некий результат человеческой деятельности, то культура – это непрерывный процесс движения и развития (как любая сущность).

Предваряя дальнейшее исследование, связанное со становлением научного понятия культура, отметим, что комплекс значений двух французских омонимов, которые возникли в результате распада полисемии, полностью отражает путь пройденный латинским словом *cultura* в системе гуманитарного и естественно-научного знания.

Учитывая тот вклад, который был внесен в синтез понятия культуры немецкой классической философией, обратимся к анализу системы значений этого слова в немецком языке. В использованных лексикографических источниках, во-первых, не отражается омонимии слова, а, во-вторых, главным его значением признается не этимологическое, а современное, и, в-третьих, пишется слово не так, как в других европейских языках. орфография с буквой «К» была использована И. Кантом для различения метафорического (переносного) и этимологического (прямого) значений.

Итак, семантический комплекс *Kultur* представлен следующим компонентами: 1) только в единственном числе, обобщенно: предметы и ценности, созданные человеческим сообществом, отличающие людей от животных, такие как наука, искусство, язык и т.п.; 2) уровень или ступень развития, вид культуры, которого достигает или который создает один народ в определенном промежутке времени (*eine primitive, hoch entwickelte Kultur, die östliche, die westliche Kultur, die Kultur der alten Inkas*); 3) обобщенно: особый вклад в науку и искусство; деятельность и ее продукты, принадлежащие одной культуре (*den Menschen die Kultur näherbringen, die Kultur fördern*); 4) только в единственном числе: общая культура человека – то как он себя ведет, как он воспитан, какие у него вкусы (*ein Mensch von Kultur*); 5) только в единственном числе: выращивание сельскохозяйственных растений (*Obstkultur*); 6) только в единственном числе: выведение и возделывание растений; 7) семена или споры растений, посадочный материал (*eine Kultur (von) Champignons*); 8) в микробиологии: бактерии, которые выращиваются в медицинских или научных целях в лабораторных условиях [3].

Таким образом, содержание понятий *culture* и *Kultur* совпадают. Однако в немецком языке не только отсутствует омонимия (это означает, что в сознании носителей языка связь между семантическими реализациями слова актуальна), но прослеживается синонимия как со словом *Zivilisation*, так и со словом *Bildung* 'общая культура' (по-французски – *culture générale*), введенным в оборот И. Кантом.

Список литературы

1. Большой латинско-русский словарь. [Электронный ресурс] / Режим доступа <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php>
2. Le Petit Robert de la langue française. – 2013. Version numérique.
3. Словарь научных терминов [Электронный ресурс] / Режим доступа <http://wirtschaftslexikon.gabler.de>

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

СЕКЦИЯ №22.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ГОВОРЯЩЕГО, НАПРАВЛЕННЫЕ НА КОРРЕКТИРОВКУ НЕУСПЕШНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Егорова М.А.

Московский государственный лингвистический университет Евразийский лингвистический институт в г.Иркутске (филиал) МГЛУ ЕАЛИ, г.Иркутск

Живя в социуме, человек не может обходиться без общения. Каждый день мы сталкиваемся с потребностью высказать свое мнение, отношение к чему-либо и т.д. В связи с этим исследование коммуникации занимает умы многих лингвистов и не один десяток лет. Поскольку в процессе общения участвуют как минимум 2 человека, то каждому из них присваивается своя роль: говорящий (Коммуникант 1) и слушающий (Коммуникант 2). Конечно же, в каждом диалоге происходит сменяемость ролей [8]. Говорящий становится слушающим, а слушающий – говорящим, но в нашей работе мы принимаем за основу тот факт, что говорящий – это инициатор диалогического дискурса, играет роль манипулятора в диалоге, так как именно он направляет свою речь к получателю, преследуя какую-либо цель, т.е. управляет направлением развития диалога. Так как Коммуникант 1 вступает в общение первым, то мы решили в первую очередь исследовать именно его речевое поведение с позиции стратегий и тактик.

Суммируя всю имеющуюся общую информацию о стратегиях и тактиках можно сказать следующее: 1) стратегия всегда направлена на достижение цели, тактики на ее реализацию; 2) конституирующий признак стратегии – наличие конфликта; 3) мы можем говорить о стратегическом общении, если коммуникантам приходится изыскивать более утонченные и сложные способы достижения своих целей; 4) чем более человек компетентен в языке и речи, в применении постулатов и правил общения, тем многообразнее и гибче его стратегии и тактики и тем успешнее он добивается своих целей; 5) количество тактик равно количеству речевых действий.

Е.В. Ключев объясняет соотношение элементов стратегии и тактики в коммуникативном процессе так: «Используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу, т.е. возможность вызвать желаемые последствия в реальности) и, следуя определенной коммуникативной интенции, вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется в коммуникативную тактику (или не преобразуется, или преобразуется неуспешно) как совокупность коммуникативных намерений (задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего» [9, с. 21]. Коммуникативный опыт имеет непосредственное отношение к формированию коммуникативной личности, которая использует коммуникативную стратегию, имеющую на себе отпечаток личности человека с приобретенной индивидуальной окраской. На выбор коммуникативной стратегии влияет то, чего хочет добиться говорящий в процессе общения. Однако успешный исход не может быть гарантирован на 100 %. Бывают случаи, когда неверный выбор стратегий и тактик приводит к неуспешному диалогическому дискурсу.

В нашей работе мы постарались выявить те стратегии и тактики говорящего, которые помогают перевести неуспешную коммуникацию в успешную.

1. Стратегия убеждения

На наш взгляд стратегия убеждения является одной из наиболее полных форм интерактивной аргументации. Убеждение, как коммуникативная стратегия, является существенным компонентом речевого воздействия. Его цель – «изменить, трансформировать, модифицировать «картину мира» коммуниканта, которая является лишь частью объективной картины ситуации и представляет собой знания, убеждения, веру, эмоциональное и интеллектуальное состояние коммуниканта» [11, с. 16]. Эффективность убеждения, удача или неудача его как мотивационно-целевого хода отражается в ответной реакции слушающего.

Давайте рассмотрим Пример (1) из книги Дена Брауна «Ангелы и демоны», где явно просматривается стратегия убеждения выбранная говорящим:

«How did you find me?» Langdon could barely focus. «I already told you. The Worldwide Web. The site for your book, The Art of the Illuminati». «That page has no contact information». Langdon challenged. «I'm certain of it». «I have people here at the lab very adept at extracting user information from the Web». «I must see you», the caller insisted. «This is not a matter we can discuss on the phone. My lab is only an hour's flight from Boston». «It's urgent», the voice pressured. «I've taken the liberty of sending a plane for you», the voice said. «It will be in Boston in twenty minutes» [2, с. 3].

Звонящий, Максимилиан Колер, пытается убедить профессора Лэндома прибыть в лабораторию для обсуждения важного дела. Колер четко обозначает цель: «I must see you». Модальность в данном предложении указывает на необходимость выполнения данного действия. Но просто позиция говорящего не убеждает оппонента (слушающего). Интенциональные высказывания дают возможность говорящему в речевом акте совершить практическое действие (попросить). И для того, чтобы его намерения стали яснее, он приводит первый аргумент: «This is not a matter we can discuss on the phone». Коммуникант 1 (говорящий) использует тактику убеждения, чтобы проинформировать Коммуниканта 2 (слушающего) о важности и серьезности дела. Однако адресат (слушающий) не намерен принимать поспешное решение, поэтому говорящему приходится применить данный ход еще раз: «It's urgent». Использование простого, нераспространенного предложения, как коммуникативный ход, указывает на непоколебимый настрой и намерение говорящего достигнуть свою цель. «I've taken the liberty of sending a plane for you... It will be in Boston in twenty minutes». С помощью данного тактического хода адресант подталкивает реципиента к предпочтительной смежной паре, то есть к соглашению, указывая на то, что решение за него уже принято. Можно сделать вывод, что представленный диалогический дискурс стал успешным для говорящего, который выбрал тактику аргументатива для реализации стратегии убеждения. В свою очередь, коммуникация для слушающего оказалась неуспешной.

Рассмотрим еще один Пример (2) стратегии убеждения, который взят из книги Оноре де Бальзака «Неведомый шедевр»:

«Жиллетта, я предоставил тебе решать самой и хочу тебе во всем повиноваться. Ты - моя совесть и моя слава. Возвращайся домой, я, быть

может, почувствую себя счастливее, чем если ты...» «Разве я могу что-нибудь решать, когда ты со мною так говоришь? Нет, я становлюсь просто ребенком». «Идем же», - продолжала она, видимо делая огромное усилие над собою, - «если наша любовь погибнет, я жестоко буду каяться в своем поступке» [6, с. 30].

Действующие лица данного диалога – Никола Пуссен (слушающий) и его возлюбленная Жиллетта (говорящий). Один известный художник заявил Никола, что он хочет, чтобы Жиллетта позировала обнаженной для его новой картины, что очень взволновало и Пуссена и его возлюбленную. Скрытая интенция говорящего, т.е. Пуссена – уговорить девушку на этот поступок, но так, чтобы это не прозвучало как принуждение. В данной ситуации Пуссен прибегает к хитрости, перекидывая ответственность за деяние на свою возлюбленную «Жиллетта, я предоставил тебе решать самой и хочу тебе во всем повиноваться». И затем он резко меняет свое решение «Возвращайся домой, я, быть может, почувствую себя счастливее, чем если ты...», и тут Жиллетта, используя мену коммуникативных ролей с перебиванием, перекидывает роль говорящего на себя «Идем же!», показывая тем самым, что она в силах решать сама и, что она делает правильный выбор.

Мы считаем, что данный диалог оказался успешным как для говорящего, так и для слушающего, так как снова тактика аргументатива сыграла большую роль. Стратегию убеждения использовал как говорящий, так и слушающий.

2. Тактика просьбы и требования

Необходимость использования «убеждающих» утверждений наступает тогда, когда существует разница в «картине мира» говорящего и «картине мира» слушающего. В противном случае, убеждение сводится к обычной просьбе. Например, как это видно из Примера (3):

«George, I wish you'd look at the nursery». «What's wrong with it?» «I don't know». «Well, then». «I just want you to look at it, is all, or call a psychologist in to look at it». «All right, let's have a look» [3, с. 1].

В данном случае отправитель речи точно знает, что получатель согласится и ему не приходится прибегать к аргументации, ему достаточно просьбы «I wish you'd look at the nursery» для успешного завершения диалога «All right, let's have a look». Слушающий правильно распознал интенцию говорящего, и в результате диалог оказался успешным для адресанта речи, потому что он достиг своей цели, в отличие от адресата.

Но иногда одной просьбы недостаточно и стоит прибегнуть к требованию, как это видно из Примера (4):

«Я это придумал, а ведь я люблю тебя, сказал он с некоторым раскаянием в голосе». «Но, значит, я негодяй». «Давай посоветуемся с дядюшкой Ардуэном?» - сказала она. «Ах, нет! Пусть это останется тайной между нами». «Ну, хорошо, я пойду, но ты неходи со мною», - сказала она. - «Оставайся за дверью, с кинжалом наготове. Если я закричу, вбегу и убей художника» [6, с. 5].

Данный диалог – это продолжение разговора двух влюбленных Никола Пуссен и Жиллетты по поводу позирования для одного очень знаменитого художника Френховера. Никола понимает, что настолько сильно любит Жиллетту, что не позволит ей позировать для старика. Однако он сомневается и Жиллетта видит это и использует «гладкую» меню коммуникативных ролей с помощью вопросительной тактики «Давай посоветуемся с дядюшкой Ардуэном?». Говорящий, в свою очередь, просит «Пусть это останется тайной между нами». Высказывание говорящего воспринимается как передача плана действий слушающему и тем самым как призыв взять исполнение этого действия на себя, таким образом, говорящий выступает в роли манипулятора. Далее мы видим, что Жиллетта берет роль говорящего на себя и так же использует такую речевую тактику просьбы («ты неходи со мной, оставайся за дверью»), плавно переходящую в требование «Если я закричу, вбегу и убей художника», что позволяет ей добиться успешности коммуникации.

3. Тактика предложения и совета.

Довольно часто в проанализированных диалогах встречается тактика предложения и совета. Так в Примере (5) важным является то, что говорящий не оказывает давление на слушающего, и у последнего есть выбор, последовать совету или нет, принять предложение или нет.

«Oh, and Zaphod?» «Er, yeah?» «If you ever find you need help again, you know, if you're in trouble, need a hand out of a tight corner...» «Yeah?» «Please don't hesitate to get lost» [1, с. 45].

Дух прадеда дает своему бестолковому правнуку ироничный совет. Интенция говорящего - побудить правнука к действию при помощи тактики совета ««If you ever find you need help again, you know, if you're in trouble, need a hand out of a tight corner...». Слушающий удивляется и применяет вопросительную тактику «Yeah?», чтобы дать понять говорящему, во-первых, что он не совсем понял совета, а во-вторых, чтобы поддержать разговор. В результате, диалогический дискурс между правнуком и прадедом оказался, по нашему мнению, успешным для обоих участников коммуникации, благодаря правильно используемым коммуникативным тактикам.

Предложение помочь одно из наиболее распространенных. Говорящий предлагает помощь, желая быть полезным, но слушающий отказывается от помощи, используя тактику отказа, объясняя это тем, что ему в принципе не нужна ничья помощь «No one can help me». В итоге дискурс для говорящего оказывается неуспешным, в то время как для слушающего – успешным, что видно из Примера (6):

«Excuse me», said the owner of the metal hand in a voice that would have made an insect of a more sentimental disposition collapse in tears. This was not such an insect, and it couldn't stand robots. «Yes, sir», it snapped, «can I help you?» «I doubt it», said Marvin. «Well in that case, if you'll just excuse me...» Six of the phones were now ringing. A million things awaited the insect's attention. «No one can help me», intoned Marvin [1, с. 60].

Однако в отличие от предыдущего примера, где говорящий действительно хотел помочь в следующем Примере (7) мы можем увидеть, что собеседник не всегда предлагает что-либо, чтобы помочь, иногда он это делает для того, чтобы получить выгоду для себя:

«Что угодно?» — строго произнесла старушонка, входя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо. «Заклад принес, вот-с!» — И он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. «Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу». «Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с». «Полтора рубля!»- вскрикнул молодой человек. «Ваша воля». - И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел. «Давайте!» - сказал он грубо [7, с. 10].

Старуха предлагает Раскольникову заплатить процент от суммы вперед «Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с», что вызывает негодование у молодого человека «Полтора рубля!», но ситуация безвыходная и он соглашается «Давайте!». В данном диалоге легко можно проследить интенцию говорящего: старуха хочет получить выгоду и ей это удастся. Следовательно, коммуникация для говорящего стала успешной, в то время как для слушающего - нет.

4. Тактика предупреждения, угрозы и рекомендации.

Рассмотрим Пример (8), взятый из книги Дж. Р.Р. Толкина «Фермер Джайлс из Хэма»:

«Help! help! help!» Out popped the farmer's head. `Drat you, dog! What be you a-doing?' said he. «Nothing», said the dog. «I'll give you nothing! I'll flay the skin off you in the morning», said the farmer, slamming the window. «Help! help! help!» cried the dog. Out came Giles's head again. «I'll kill you, if you make another sound», he said [5, с. 37].

В данном случае «угроза» и «предупреждение», как речевая тактика носит негативный характер. Отношение к слушающему обуславливает то, что говорящий посредством своего речевого акта прерывает на некоторое время процесс его действий или препятствует их начинанию. Речевой акт или жест предупреждения, которые высказывает адресант, имеют своей функцией известить адресата о последующих действиях. Говорящий убежден, что адресат оценивает свои действия также негативно. В противном случае речь идет о рекомендации, как, например, в следующем диалоге Пример (9):

«Harry Potter is valiant and bold! He has braved so many dangers already! But Dobby has come to protect Harry Potter, to warn him, even if he does have to shut his ears in the oven door later... Harry Potter must not go back to Hogwarts». «W-what?» Harry stammered. «But I've got to go back—term starts on September first. It's all that's keeping me going. You don't know what it's like here. I don't belong here. I belong in your world—at Hogwarts». «No, no, no», squeaked Dobby, shaking his head so hard his ears flapped. «Harry Potter must stay where he is safe. He is too great, too good, to lose. If Harry Potter goes back to Hogwarts, he will be in mortal danger» [4, с. 25].

Домашний Эльф советует Гарри остаться дома, в противном случае, не миновать страшных последствий. Положительный тон данного высказывания достигается так же посредством комплиментов: «Harry Potter is valiant and bold! He has braved so many dangers already... He is too great, too good, to lose». Тактика комплимента реализуется тактическими приемами выражения симпатии, формирования эмоционального настроения, установления добрых отношений, управления дистанцией, смещение внимания особенно в ситуации коммуникативной неудачи, коммуникативного конфликта или дискомфорта.

Рассмотрим еще один Пример (10), который вызывает интерес тем, что в нем смешаны одновременно и тактика угрозы и тактика предупреждения:

«Ты умрешь раньше, чем доберешься до меня». «Кулау, не стреляй. Я иду». «Стой!»- скомандовал Кулау из зарослей. – «Еще шаг и я стреляю». «Шериф остановился» [10, с. 4].

Говорящий (Кулау) добился успеха в данной коммуникации посредством тактики угрозы, тогда как слушающий (Шериф) нет, ему пришлось послушаться Кулау и остановиться.

Таким образом, исследовав стратегии и тактики говорящего, можно сделать вывод, что комплекс подобных действий несет манипуляционную функцию, а говорящий – манипулятор. Чтобы скорректировать неуспешный диалогический дискурс говорящий может прибегать к следующим стратегиям и тактикам:

- стратегия убеждения;
- тактика предложения и совета (хотя тактика предложения не всегда способствует корректировке неуспешной коммуникации для говорящего);
- тактика просьбы и требования;
- тактика угрозы, предупреждения и рекомендации.

Список литературы

1. Adams, D. The Restaurant at the End of the Universe. – М.: «Новое поколение», 1980. – 208 с.
2. Brown, D. Angels & Demons. – New York: «Pocket Books», 2001 – 157 p.
3. Brown, D. Digital Fortress. – New York: «St. Martin's Press», 2008. – 384 p.
4. Rowling, J. K. Harry Potter and the Order of Phoenix. – London: «Scholastic Paperbacks», 2004. – 870 p.
5. Tolkien, J.R.R. Farmer Giles of Ham. – М.: «Прогресс», 2000. – 144 с.
6. Бальзак, О. Неведомый шедевр. – М.: «Азбука», 2009. – 288 с.
7. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание. – Л.: «Наука», 1989. – 576 с.
8. Иванова, М.А. Прагмалингвистический статус неуспешного диалогического дискурса [Текст] : дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Иванова. – Иркутск, 2007. – 157 с.
9. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия [Текст] : учеб. пособие / Е.В. Клюев. – М.: РИНОЛ КЛАССИК, 2002. – 316 с.
10. Лондон, Д. Кулау прокаженный. – Л.: «Народная асвета», 1988. – 688 с.
11. Седов, К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) [Текст] / К.Ф. Седов // Вопросы стилистики. – Саратов: СГУ, 1996. – С. 35-42.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «DELETE» В ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКИХ БЛОГОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ-СИНОНИМОВ)

Биякова С.В., Ковалева Е.К.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

В современном мире огромное внимание уделяется процессам получения, переработки, передачи и хранения информации и как следствие растет интерес к проблеме номинативного варьирования в дискурсе, к вопросам возникновения и развития синонимии. Рассмотрение синонимии с позиции когнитивного подхода является перспективным, поскольку изучение ее через призму таких категорий как дискурс и концепт открывает новые аспекты ее изучения.

Данная статья посвящена рассмотрению роли семантических синонимов в вербализации концепта «Delete» в дискурсе информационно-технических блогов.

Синонимы как члены синонимического ряда должны отвечать некоторым требованиям: принадлежать к одной части речи, иметь полностью или частично совпадающее значение, быть способными к взаимозамещению в контексте. В зависимости от контекста у синонимов могут проявляться не только семантическое сходство, но и семантические различия, когда синонимы становятся невзаимозаменяемыми. Рассмотрение синонимических средств языка может быть использовано в качестве действенного инструмента познавательной и коммуникативной деятельности [4: 226], поскольку «...синонимическая парадигма предоставляет богатые возможности для сопоставления ее компонентов по различным параметрам» [2:196].

В дискурсе информационно-технических блогов большую часть синонимов представляет специальная лексика, которая несёт основную информационную нагрузку в процессе коммуникации.

Термины, составляя ядро языков профессиональной коммуникации, служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве, задают направление мыслительной деятельности специалистов, служат одновременно ориентиром мышления и ориентиром деятельности [1].

Один и тот же концепт может быть описан при помощи различных терминов – синонимов. Значимость концепта подчеркивается степенью его выраженности в языковой системе: «...ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке» [3].

Поскольку в дискурсе информационно-технических блогов информация об удалении программ, файлов и т.д. играет существенную роль, т.к. устаревшее программное обеспечение и файлы занимают место на жестком диске и замедляют работу компьютера, поэтому для исследования был взят концепт «Delete» и синонимы, которые позволяют его раскрыть средствами языка.

Для вербализации концепта «Delete» используются термины - синонимы «to uninstall» (34 словоупотребления), «to remove» (27 словоупотреблений), «to delete» (25 словоупотребления), «to deactivate» (18 словоупотреблений), «to empty» (16 словоупотреблений), to erase» (15 словоупотреблений), «to get rid of» (14 словоупотреблений), «to rid» (13 словоупотреблений), «to wipe» (9 словоупотреблений), «to clear» (8 словоупотреблений), «to riddle» (7 словоупотреблений), «to trash» (6 словоупотреблений), «to annihilate» (3 словоупотребления), которые в совокупности (195 словоупотреблений) говорят о значимости для специалистов данной области знания.

В зависимости от того, какой из объектов необходимо удалить для описания прототипической ситуации используются различные глаголы.

В ситуациях, когда требуется вербализовать информацию об удалении программного обеспечения для описания прототипической ситуации используется лексема «to uninstall», имеющая значение «to remove ... software from a computer system» («удалить программное обеспечение из системы»). При этом с жесткого диска удаляются все файлы («removing all the files»), записанные на него данной программой в процессе установки («that were copied to the hard disk during installation») [10].

Семантический синоним «to remove» также имеет значение «удалить программу» («Eliminate or get rid of») [9]. Различие между терминами «to uninstall» и «to remove» заключается в информации об инструменте, используемом для выполнения действия. Значение лексемы «to uninstall» подразумевает, что модуль, отвечающий за удаление программы, встроен в саму программу, а семантика лексической единицы «to remove» привлекает внимание к тому факту, что удаление программы производится средствами операционной системы. В предложении «To view information on how to remove or uninstall another version of Microsoft Office, click the link that matches your Office version...» [8] использованы оба термина, чтобы подчеркнуть, что существуют два способа удаления установленной версии Microsoft Office.

Глагол «to clear» используется для описания процесса удаления данных («erase stored or displayed data») из списка («items») или из файла [7].

Термин «to delete» вербализует информацию об удалении не только данных, но и самого файла, в котором содержатся данные: «To remove an item of data from a file or to remove a file from the disk» [10]. В предложении «In the file system, Clear-Content clears the content in a file, but does not delete the file. It has no effect on folders» [10] термин «to clear» используется для описания процесса удаления данных, а отрицательная форма глагола «to delete» несет информацию о том, что в процессе удаления данных из файла, сам файл не удаляется.

Глагол «to trash» имеет значение «удалить с компьютера запись или файл» («to delete a record or file on the computer») [10]. Употребление лексемы «to trash» характерно для неформального стиля, несет эмоциональную окраску и воспринимается специалистами как жаргонизм. В выдержке из письма «I used netplwiz to trash my computer; can I recover from this?» [8] использование лексической единицы «to trash» передает негативные эмоции, которые испытывает пользователь из-за невозможности настроить профиль пользователя.

Фразовый глагол «to get rid of» также, как и лексема «to rid» имеет значение удалить ненужную («unwanted») программу или программное обеспечение, мешающую правильному функционированию («troublesome») других программ [5, 9].

В цитате из письма пользователя, приведенном в блоге «How do I get rid of Vista?!... I thought "If Vista isn't any good, I'll just reformat and load XP...» [8] не только термин «to get rid of», но и придаточная часть последующего сложноподчиненного предложения подчеркивает тот факт, что установленная операционная система Windows Vista не нужна пользователю («unwanted»).

Глагол «to rid» в блог-записи «How to rid out windows boot manager? ...I'm trying to install again the windows 2003 server but the Windows boot manager still displaying and it could not continue to install the Win 2003» [8] передает желание пользователя удалить менеджер загрузки Windows, поскольку он вызывает проблемы с установкой windows 2003 server («troublesome»).

Лексема «to empty» акцентирует внимание на удалении всех объектов без исключения: «remove all the contents...» [9]. В предложении «With a VBS script I want to empty Recycle Bin for all users» [8] глагол «to empty» указывает на то, что из корзины будут удалены все содержащиеся там файлы. Для термина- глагола «to empty» характерно сочетание с прямым дополнением, указывающим на объект воздействия («Recycle Bin»).

Семантический синоним «to erase» подразумевает удаление информации (программ, данных, файлов) с диска («...to erase to remove all the information stored on a computer disk») [6] методом размагничивания (through a strong, constant magnetic field ... or through a high-frequency alternating magnetic field) [10]. В предложении «If your computer is equipped with a CD recorder that supports CD rewritable (CD-RW) discs, you can erase and then reuse the rewritable disc» [8] термин «to erase» подчеркивает, что удаление информации с CD-RW RW происходит методом размагничивания.

Термин «to wipe» акцентирует внимание на полноте действия (полное удаление данных – «to completely erase data») и месте расположения объекта, на который направлено действие (из памяти компьютера или с жесткого диска – «from memory or the hard disk») [10]. В предложениях «I would like to wipe the hard drive clean because it has Ubuntu on it also» [8] лексема «to wipe» вербализует информацию об очистке жесткого диска, в результате которой будут полностью удалены неиспользуемые служебные файлы, замедляющие работу компьютера.

Термин «to deactivate» используется специалистами для обозначения удаления лицензионных программ и подразумевает, что после удаления на одном компьютере, программа может быть установлена на другом с использованием этого же лицензионного ключа: «to make inactive» [7]. Отрицательная приставка «de-» в совокупности с основой «-activate» имеющей значение «to make active or capable of action» [5] также отражает семантику термина на уровне языка.

В предложении «How do I deactivate / remove from the first machine so that I can re-use the same key on the second machine?» [8] термин «to deactivate» функционирует в качестве синонима к термину «to remove», а придаточное предложение «...so that I can re-use the same key on the second machine» акцентирует внимание на различиях в семантике синонимов. Обстоятельство места («from the first machine») вербализует информацию о месте расположения объекта, на который направлено действие («to deactivate»).

Термин «to annihilate» акцентирует внимание на полном уничтожении объекта: «to destroy completely; extinguish» [5]. Чаще данный термин встречается в цитатах из официальных документов, описывающих политику корпорации в борьбе с негативными явлениями. В предложении «We will continue to invest similar operations in the future as well in our mission to annihilate botnets and make the Internet a safer place for everyone» [8] глагол «to annihilate» служит для выражения официальной позиции по отношению к ботнетам.

Термины, как и другие единицы специальной лексики, фиксируют своей формой не всю информацию, а фокусируют внимание лишь на коммуникативно и прагматически значимой её части.

С помощью терминов-синонимов разные стороны концепта получают языковое воплощение, поскольку каждый синоним вербализует лишь часть информации, относящуюся к определенному концепту. Так, термины привлекают внимание к объекту («to uninstall», «to remove», «to delete», «to trash», «to get rid of», «to rid», «to empty», «to erase»), свойствам объекта («to get rid of», «to rid», «to deactivate»), цели («to get rid of», «to rid», «to deactivate»), действию, направленному на объект («to clear», «to get rid of», «to rid», «to empty», «to erase», «to deactivate»), способу действия («to empty», «to erase», «to wipe»), инструменту, используемому для выполнения действия («to remove», «to delete», «to trash»), месту расположения объекта («to uninstall», «to clear», «to delete», «to trash», «to wipe»), результату («to annihilate»). Становится очевидным, что наиболее значимая информация относительно концепта – это информация, связанная с объектом воздействия, самим действием и способом, с помощью которого совершается действие.

Основная лексема, служащая для описания прототипической ситуации, сжимает информацию обо всем концепте, а в контексте происходит развертывание информации через использование конкретных единиц, функционирующих в дискурсе. Контекст конкретизирует информацию относительно концепта. Чем больше опыт специалиста в своей области, тем более информативен для него термин или дискурс в целом. Т.е. контекст и дискурс в целом используются для того, чтобы рассмотреть описание ситуации, а через ситуацию, как объекты и сам человек ведут себя в процессе деятельности. При этом учитываются те компоненты смысла, которые важны в общественной практике, например, цель выполнения тех или иных действий. Таким образом, выделение признаков, с одной стороны, и анализ описания функционирования объектов и поведения человека, с другой, позволяют раскрыть содержание соответствующих концептов.

Список литературы

1. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение [Текст]. - М.: Флинта, Наука, 2011. – 135 с.
2. Гранкина, А.Н. Роль метафорической внутренней формы в сфере синонимии [Текст] // Вестник ТГПУ. – Томск, 2012. - № 1 (116). – С. 196 – 199.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Хантакова, В.М. Смыслоформирующая роль синонимии [Текст] // Вестник ИГЛУ. – Иркутск, 2012. - №2s (18). – С. 226 – 231.
5. Словарь Collins Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com>
6. Словарь Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary>
7. Словарь Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/thumbnail>
8. MSDN Blogs. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://blogs.msdn.com> (дата обращения: 15.04.2015).
9. Словарь Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com>
10. Словарь TheFreeDictionary Farlex [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://encyclopedia2.thefreedictionary.com>

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

СЕКЦИЯ №24.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)

**СЕКЦИЯ №25.
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА
ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)**

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

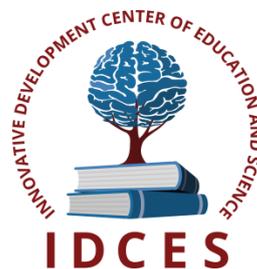
II Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 мая 2015г.)**

**г. Омск
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 08.05.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,45.
Тираж 250 экз. Заказ № 172.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58